

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИННОВАЦИОННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

А. Е. Каримжанова

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО
КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Магистерская диссертация на соискание
академической степени магистра гуманитарных наук
по специальности 6М020500 – Филология

ПАВЛОДАР – 2014
Министерство образования и науки Республики Казахстан

Инновационный Евразийский университет

Допущен (а) к защите:
зав. кафедрой «Журналистика и русская
филология»,
доктор филологических наук,
профессор _____ А.Р.Бейсембаев
(подпись)
« ____ » _____ 20 __ г

Магистерская диссертация

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО
КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА**

специальность: 6М020500 – Филология

Магистрант

_____

(подпись)

А. Е. Каримжанова

(инициалы, фамилия)

Научный руководитель,
доктор филологических наук

_____

(подпись)

А. Р. Бейсембаев

(инициалы, фамилия)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Парадигма прецедентных текстов в современной лингвистике (интерпретационный анализ).....	8
1.1 Прецедентные тексты как объект лингвистического исследования.....	8
1.2 Источники прецедентных текстов в современной лингвистике.....	10
1.3 Знаки прецедентных текстов как лингвокультурный код.....	14
1.4 Когнитивный аспект изучения прецедентных текстов.....	19
1.5 Прагматические составляющие изучения прецедентных текстов.....	25
1.6 Лингвокультурологический характер прецедентных текстов.....	27
2 Имена собственные как маркеры национального когнитивного пространства.....	30
...	
2.1 Имя собственное как объект лингвистического исследования.....	30
2.2 Дискуссии о статусе и семантике имени собственного.....	33
2.3 Функциональная характеристика имени собственного.....	38
2.4 Прецедентные тексты как фрагмент обыденного языкового сознания казахстанца.....	44
2.5 Способы хранения прецедентных текстов в языковом сознании и варианты их актуализации в дискурсе языковой личности.....	48
2.5.1 Лингвокультурные особенности английских прецедентных феноменов.....	50
2.5.2 Парадигма национальных прецедентных феноменов английской лингвокультуры.....	51
2.5.3 Транснациональные ПФ английского культурного пространства.....	62
2.6 Организация и методика проведения эксперимента социо-психолингвистического эксперимента.....	68
2.7 Система тестов и основные этапы экспериментальной работы.....	71
2.8 Прецедентные имена, воспринимаемые студентами в качестве знакомых.....	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	78

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая парадигма сделала главным объектом исследования человека в языке, личность, участвующую в процессе коммуникации. Понятия человека разумного и языка связаны необходимой составляющей реализации языка как средства общения и человека как инициатора, реципиента и темы коммуникации. Продуктом и средством коммуникации является текст. Большую часть своих познаний о мире во всем многообразии его проявлений человек черпает не из непосредственно личного опыта, а из текстов различных типов. Состав текстов, входящих в когнитивную базу (совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества), формирует лингвокультурные универсалии – прецедентные тексты, которые образуют общечеловеческую культуру (семиосферу).

В научной литературе совокупность прецедентных текстов, представляющих собой определенный лингвистический и культурный пласт, называют корпусом прецедентных текстов.

Корпус прецедентных текстов характеризуется рядом признаков:

- принадлежит своего рода метаязыку, к которому обращается при восприятии и порождении текста практически любой носитель культуры;
- формирует шкалу ценностных ориентаций национально-лингвокультурного сообщества;
- отражает модели социального поведения, которые в этом сообществе поощряются, осуждаются;
- задает границы и основные векторы развития национального культурного пространства.

Непрерывность процесса текстообразования в современном лингвокультурном пространстве, недостаточная разработанность целостной теории прецедентного текста, сложность коммуникативного взаимодействия внутри и за пределами социума, необходимость правильного декодирования лингвокультурной информации и достижения соответствующей лингвокультурной компетенции определили **актуальность** темы исследования.

На этом фоне:

- 1) недостаточно изучены сравнительные характеристики различных жанров англоязычного корпуса прецедентных текстов;
- 2) не создана структурная модель знака прецедентного текста.

В основу работы положена гипотеза о знаковом характере прецедентности как лингвокультурном феномене. В нашей работе предлагается классификация и

сравнительная характеристика критериев долговечности основных типов, составляющих основу прецедентных текстов. Нам представляется, что в основе критериев долговечности этих типов лежат различные причины, оказывающие влияние на устойчивость соответствующих единиц.

Цель работы заключается в комплексной характеристике функционирования имен собственных в англоязычном художественном тексте.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- выявить условия возникновения прецедентности и определить подход к проблеме знаков прецедентных текстов в англоязычном дискурсе;
- определение значимости прецедентных феноменов для языковой личности;
- разработать типологию прецедентных текстов и описать наиболее продуктивные типы текстов-источников прецедентности;
- установить критерии долговечности типа базового текста-источника, выявив при этом зависимость между долговечностью типа и устойчивостью порожденных им единиц;
- уточнить характер связей между лингвистическим и культурным пространством;
- проанализировать семантику прецедентных имен собственных, использованных в английских художественных текстах.

Объектом исследования являются имена собственные как прецедентные знаки.

Предмет исследования – структура и речевое функционирование имен собственных в английском художественном тексте.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к трактовке прецедентности, в результате которого рассмотрен вопрос соотношения знака и прецедентного текста и выявлена связь между границей редукции прецедентного текста и фиксацией элементов, составляющих неотъемлемые признаки смысла; создана типология и описаны наиболее продуктивные типы текстов-источников прецедентности; установлены критерии долговечности типа базового текста, при этом выявлена зависимость между долговечностью типа и устойчивостью порожденных им единиц; уточнен характер связей между лингвистическим и культурным пространством; разработан алгоритм применения метода фреймовой репрезентации для описания структурной модели прецедентного знака (на примере имен собственных); проведен анализ прецедентных имен собственных.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении прецедентного фонда английской лингвокультуры, в исследованиях механизмов превращения прецедентного текста в лингвокультурный знак, в моделировании семантики прецедентного знака.

Практическая ценность выполненного исследования состоит в возможности использования ее результатов в практике преподавания английского языка в средних и высших учебных заведениях в плане формирования лингвокультурной компетенции. Материалы исследования можно использовать при разработке лекционных курсов по стилистике английского языка, спецкурсов по лингвистике

текста и семиотике, лингвокультуроведению, зарубежной литературе, а также филологическому анализу текста.

Материалом исследования послужил корпус английских имен собственных, извлеченных из произведений англоязычной художественной литературы. Проанализированный материал был собран методом сплошной выборки из текстов англоязычной лингвокультуры. Корпус текстовых примеров имен собственных составил общим количеством 450 единиц.

В качестве инструментов исследования в работе использовались следующие **методы**:

- контекстуальный анализ;
- анализ словарных дефиниций;
- концептуальный анализ;
- интерпретативный анализ.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных, российских и зарубежных ученых в области лингвистики текста, лингвокультурологии, семиотики художественного текста, семиотики культуры.

В основу исследования легли следующие положения, доказанные в лингвистической литературе:

1. В рамках семиотики культуры допустимо применение синкретического понятия «текст» к толкованию присутствия человека в мире и отражения той реальности, на которую направлено познавательное усилие субъекта (Ю.М. Лотман, П. Рикер, Ю. Кристева, Ж. Деррида, Р. Барт).
2. Культура рассматривается как семиотическая система, которая объективируется как совокупность всех знаковых средств вербальной и невербальной коммуникации, в которую входят хрестоматийные, общеизвестные и неоднократно используемые знаки, то есть прецеденты. Укрепившись в массовом сознании, эти знаки приобретают устойчивость в плане выражения и в плане содержания (В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, З.К. Сабитова, В.М. Савицкий).
3. Элементы культуры, фиксируемые в виде знаков прецедентных текстов, переходят в условную область кода и являются основными единицами лингвокультурологии, которые реализуются в форме лингвокультурных концептов (З.К. Ахметжанова, А.С. Мыльников, Л.Н. Мурзин, А.Т. Оналбаева, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов).

Положения, выносимые на защиту:

1. Имена собственные англоязычного художественного текста являются единицами лингвокультурного кода, с помощью которых маркируется этническая принадлежность персонажа.

2. Прецедентные имена собственные сохраняют лингвокультурную устойчивость благодаря культурной актуальности, созданной автором языковой картины мира, а также языковой личности автора художественного текста.

3. Наличие ономастического компонента является достаточным условием для возникновения прецедентности, а ее маркерами становятся антропонимы.

4. Прецедентные имена собственные, являясь лингвокультурными универсалиями, составляют когнитивный компонент культуры народа, открывают

путь в «большое» время произведениям мировой литературы, создают глобальную связность текстов различных видов коммуникации, образуя вертикальный контекст.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемых источников.

(интерпретационный анализ)

1.1 Прецедентные тексты как объект лингвистического исследования

Проблема прецедентности текстов активно разрабатывается в современной лингвистике (З.К. Ахметжанова, Н.Д. Бурвикова, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, В.Г. Костомаров, З.К. Сабитова и др.).

Вышеназванные исследователи определенным образом классифицировали и структурировали прецедентные феномены, дали определение каждому понятию:

Прецедентный феномен (далее ПФ) (по Д.Б. Гудкову – это феномен:

1) известный значительной части представителей лингвокультурного сообщества;

2) актуальный в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение к которому обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества.

Прецедентный текст (далее ПТ) – текст, который понимается как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу.

Прецедентное высказывание (далее ПВ) – высказывание, которое понимается как репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица; цитата, выступающая символом ситуации.

Прецедентное имя (далее ПИ) – индивидуальное имя, широко известное носителям языка и выступающее символом образа, качества или ситуации.

Прецедентная ситуация (далее ПС) – это эталонная, служащая примером, ситуация, которая хорошо известна всем членам определенного лингвокультурного сообщества.

Центром категории прецедентности, по мнению Д.Б. Гудкова, является прецедентное имя, так как именно при помощи прецедентных имен обозначаются прецедентные тексты и прецедентные ситуации [1, с. 154].

Современная теория прецедентности подразумевает и другие виды классификаций. Важное место в публикациях В. В. Красных, Г. Г. Слышкина и ряда других авторов занимает подразделение прецедентных феноменов по характеру прецедентности (в зависимости от степени известности в различных странах, социумах и др.). В рамках этой классификации различают глобально прецедентные, национально-прецедентные и социумно-прецедентные феномены:

- **Глобально прецедентные** (универсально-прецедентные или цивилизационные) феномены – феномены, которые известны среднему современному homo sapiens и входят в «универсальное» когнитивное пространство.
- **Национально-прецедентные** феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

– **Социумно-прецедентные** феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т.д.) [2, с.164].

Существенным этапом исследования прецедентности является обращение к сферам-источникам: важно определить, какие именно сферы (религия, фольклор, литература, театр, политика и др.) служат в том или ином социуме основным источником для репертуара прецедентных имен, событий, высказываний и текстов.

Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата. Ю.Н. Караулов предлагает отнести к числу прецедентных явлений не только словесные тексты, но и названия музыкальных произведений, произведений архитектуры и живописи, исторические события и имена политических лидеров, что в свою очередь увеличивает и количество возможных сфер-источников прецедентности. Несколько позднее в качестве источников текстовых реминисценций был выделен еще более широкий круг исходных сфер, среди которых Библия, античная мифология, музыка, фольклор, популярные песни, политика. При обращении к иным коммуникативным дискурсам (реклама, средства массовой информации, бытовое общение) возникает необходимость использовать еще более детализированную классификацию сфер-источников: политические тексты, наука, спорт, медицина и др. Представляется, что подобные рабочие классификации не претендуют на логическую безупречность: они призваны помочь читателям лучше представить ведущие источники прецедентности.

В нашем исследовании сфер-источников прецедентных имен в художественном дискурсе будет использована следующая рабочая классификация.

1. Социальная область, которая подразделяется на такие сферы, как политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт.

2. Область искусств, к которой относятся такие сферы, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор.

3. Область науки, которая включает, в частности, следующие сферы гуманитарных и естественных знаний: математика, физика, химия, биология, история, география, филология.

При необходимости классификацию можно сделать многомерной, то есть учесть и иные критерии.

Еще одна классификация, представленная Н.И. Кузьминой, представляет собой противопоставление двух видов прецедентных феноменов. К первой из них относятся **«сильные тексты»**, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Во вторую группу входят **«ключевые тексты текущего момента»**, обращение к которым чрезвычайно активно в очень короткое время [3, с. 86].

Итак, прецедентные феномены в современной лингвистике делятся на следующие виды:

- прецедентные тексты;
- прецедентные высказывания;
- прецедентные ситуации;
- прецедентные имена.

По характеру прецедентности они делятся на глобально прецедентные, национально-прецедентные и социумно-прецедентные; по временному признаку на сильные и ключевые текущего момента; по сферам деятельности: социальная сфера, наука, искусство.

1.2 Источники прецедентных текстов в современной лингвистике

Личность, участвующая в процессе коммуникации, – главный объект антропоцентрической парадигмы, потому что является необходимой составляющей реализации языка как средства общения, выступает в роли инициатора, реципиента и темы коммуникации. Результатом коммуникативной деятельности человека является текст, разнообразие которых обеспечивает постоянный ресурс познания. Особый пласт текстов, входящих в когнитивную базу (совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества), формируют лингвокультурные универсалии – прецедентные тексты.

В современной филологической науке доминантным постулатом теории деконструкции текста Ж. Деррида признается невозможность находиться вне текста [4, с. 89 – 91]. Справедливость той мысли мы находим в трудах Ю.Н. Караулова, посвященных проблемам соотношения языка и личности: «Человек живет в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объему, необходимости многократного обращения к ним и разового их использования, а также по большому числу иных своих характеристик» [5, с. 215]. К таковым и относятся прецедентные тексты (слово прецедент (лат. *praecedens* «предшествующий») обозначает случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода) [6, с. 957].

Так, по мнению Ю.Н. Караулова, прецедентными текстами называются: «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216].

Следует отметить, что в современной лингвистике существует различное понимание дискурса, мы опираемся на позицию, сформулированную В.И. Карасиком: «...дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования» [7, с. 276]. Такое понимание позволяет учитывать пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений, имеющее

непосредственную связь с предметом нашего исследования: структурой и речевым функционированием знаков прецедентных текстов в англоязычном дискурсе, лингвокультурологическая сущность которых позволяет осветить особенности менталитета народа, обусловленные его историей и отраженные в его языке.

Ю.Н. Караулов относит к категории прецедентных текстов:

- мифы;
- предания;
- устно-поэтические произведения;
- библейские тексты;
- притчи; анекдоты;
- сказки;
- публицистические произведения и др.

Ю.Н. Караулов считает, что знание прецедентных текстов является показателем принадлежности к определенной эпохе и ее культуре, в то время как отсутствие этого знания означает отторжение от соответствующей культуры. При этом ученый подчеркивает специфическое свойство подобных текстов – реинтерпретируемость, которое обуславливает их хрестоматийность и общеизвестность. Согласно данной теории, существует три способа функционирования прецедентных текстов:

- натуральный;
- вторичный;
- семиотический.

Прием ввода в дискурс языковой личности прецедентного текста Ю.Н. Караулов сравнивает с языковой номинацией; при этом имя соотносится с представлением о денотате или сигнификате, понятие – с семантическим полем, а заглавие, цитата и имя персонажа или автора – с прецедентным текстом. Эта схема позволяет практически проиллюстрировать номинативную природу данного соотношения.

Например, при восприятии имени персонажа актуализируется, так или иначе, весь прецедентный текст. Упомянутые выше способы ввода прецедентного текста Ю.Н. Караулов соотносит со следующими типами:

- а) типовые структурные схемы предложений, или «паттерны»;
- б) генерализированные высказывания, отражающие основные узлы и особенности устройства индивидуальной и соответствующей социальной картины мира;
- в) знаки, символы, намеки, фактически приравнивающие текст к слову.

Анализируя современную русскоязычную художественную прозу, Ю.Н. Караулов производит оценку обращения того или иного персонажа к прецедентным текстам, классифицирует тексты, введенные в дискурс героя, и определяет их типологию.

На основании полученных данных прецедентные тексты характеризуются как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для

сопоставления, которые используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактического» контекста мысли в «ментальный», а, возможно, и обратно» [5, с. 218-235].

В качестве источника пополнения прецедентных текстов А.Е. Супрун широкий круг исходных сфер, среди которых:

- библия;
- античная мифология;
- отечественный фольклор;
- русская и зарубежная литература;
- популярные песни;
- политические тексты [8, с. 25 – 27].

Источниками прецедентных текстов, по мнению Е.Г. Ростовской (1993), стали:

- тексты, возникшие на русской культурной почве (фольклорные произведения, авторские тексты, анекдоты, лозунги и т.п.);
- инокультурные и иноязычные знаменитые тексты, переведенные на русский язык, а также тексты на иностранных языках;
- русские тексты, возникшие на основе иностранных (следствие «диалога культур»);
- фольклорные и авторские тексты, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов (прежде всего это фольклорные тексты) [9, с. 11]

При обращении к материалу цитат в газетных заголовках Е.А. Земская (1996) выделила следующие разновидности прецедентных текстов:

- стихотворные строки;
- прозаические цитаты;
- строки из известных песен;
- названия художественных произведений;
- названия отечественных и зарубежных кинофильмов;
- пословицы, поговорки и крылатые выражения [10, с. 159 – 167)].

Р.Л. Смулаковская, исследовавшая прецедентные феномены в современной прессе, предлагает следующую классификацию прецедентных феноменов:

- литературные произведения;
- популярные песни;
- кинофильмы;
- паремиологический фонд;
- клише советского политического дискурса [11, с. 114].

В диссертации М.А. Соловьевой (2004) прецедентные антропонимы в произведениях английской писательницы А. Мердок подразделяются по следующим основаниям:

- реальные аллюзивные антропонимы;
- авторские аллюзивные антропонимы: а) аллюзивные антропонимы с

конкретным автором; б) аллюзивные антропонимы с коллективным автором (мифологические аллюзии, библейские аллюзии, фольклор различных народов (мировой), английский фольклор) [12, с. 174].

В диссертации Л.В. Разумовой (2002), исследовавшей художественные тексты, антропонимы, которые используются как прецедентные феномены, подразделяются на четыре следующие группы:

- сфера литературы;
- сфера мифологии и религии;
- сфера истории;
- сфера искусства и культуры.

Следует отметить, что каждая из представленных классификаций интересна, однако не вполне понятно, почему в указанных выше классификациях Л.В. Разумовой и М.А. Соловьевой совершенно отсутствуют прецедентные имена.

Подробная классификация прецедентных имен представлена в статье С.Л. Кушнерук, исследовавшей современный рекламный дискурс и выделившей следующие сферы-источники прецедентных имен [13, с. 102]:

- актеры, режиссеры;
- музыканты;
- писатели, поэты;
- деятели прошлого;
- выдающиеся современники;
- спортсмены;
- живописцы;
- кино герои;
- литературные герои;
- античные философы.

Следует заметить, что логическая стройность некоторых из представленных классификаций вызывает определенные сомнения, потому что не всегда ясны принципы классификации.

Интересная классификация, основанная на жанровых признаках и учитывающая некоторые иные свойства произведений русской культуры, предложенная Г.Г. Слышкиным:

- политические плакаты, лозунги и афоризмы;
- произведения классиков марксизма-ленинизма;
- исторические афоризмы;
- классические и близкие к классическим произведения русской и зарубежной литературы, включая Библию;
- сказки и детские стихи;
- рекламные тексты;
- анекдоты.

- пословицы, загадки, считалки;
- советские песни;
- зарубежные песни.

Немало вопросов вызывает и эта классификация. Например, трудно понять, почему разнесены по разным рубрикам советские и зарубежные песни и почему выделены в особую группу произведения классиков марксизма-ленинизма, но ничего не сказано о произведениях других классиков.

Таким образом, прецедентный текст характеризуется цельностью и связностью знаковых единиц, обладающих ценностной значимостью для определенной культурной группы. Им может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса.

Прецедентные тексты непременно вписаны в идеологический контекст эпохи, и, в этом смысле, они тесно связаны с феноменом жизненной идеологии, определяемой (вся совокупность жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними жизненных выражений). Именно жизненная идеология вовлекает произведение в конкретную социальную ситуацию и под ее влиянием меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые.

1.3 Знаки прецедентных текстов как лингвокультурный код

Энциклопедическое толкование термина «код» таково: «Код – это совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания). Наиболее часто для кодирования информации используют буквы, цифры, числа, знаки и их комбинации» [6, с. 544].

Следует отметить универсальный характер рассматриваемого термина, его применимость в различных областях знаний:

- это свойственная живым организмам единая система «записи» наследственной информации в молекулах нуклеиновых кислот (генетический код);
- набор условных обозначений, в котором каждой букве (или знаку) соответствует своя комбинация электрических импульсов и пауз между ними в системах связи, опознавания и автоматического управления в вычислительной технике и телемеханике;
- «система условных обозначений для скрытой передачи сведений секретного характера»;
- «присвоение специальных знаков информационным данным с целью скрыть от противника содержание передаваемых по каналам связи сообщений» [14, с. 184].

Лингвистическая трактовка понятия «код» опирается на труды Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, И.В. Арнольд, Э. Бенвениста и др. (Арнольд 1981; Бенвенист 1974; Лотман 1970; Степанов 1973; Якобсон 1975).

Понимая язык как целенаправленную систему средств выражения, Р.О. Якобсон выделяет код как одну из шести функций речевой коммуникации наряду с говорящим, адресатом, контактом, ситуацией и сообщением.

Основополагающие теоретические положения о знаковой природе языка были разработаны Ф. де Соссюром и легли в основу лингвистики XX века. По Ж. Бодрийяру, «именно соссюрская черта между означающим и означаемым сделала возможным полный пересмотр всей теории языка» [15, с. 362].

И.В. Арнольд подробно проанализировала применение терминов теории информации в лингвистике и отметила, что общность понятийного аппарата способствует взаимному обогащению когда-то далеких друг от друга областей знаний. Известная схема передачи несемантической информации К. Шеннона с различными модификациями неоднократно использовалась применительно к поэтике Р.О. Якобсоном, А. Ричардсом, А. Дарбиширом, Ж. Дюбуа и многими другими исследователями [16, с. 25 – 26].

Проблемы кодирования информации и декодирования текстов языковыми средствами на протяжении нескольких десятилетий остаются в центре внимания широкого круга лингвистов. Внося свой вклад в развитие структурной лингвистики и семиологии, Ж. Бодрийяр отметил, что с началом эры знаков – эпохи Возрождения – коды получили известную самостоятельность от референтов, которая достигла полноты в конце XX века. [15, с. 17]

Этот тезис находит подтверждение во взглядах Ю.М. Лотмана на вторичные моделирующие системы (художественные языки), где границы между знаком и текстом, кодом и сообщением часто размыты, вплоть до их полного исчезновения.

Таким образом, под кодом мы понимаем систему знаков, управляемую правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы синтагматически выстроены.

О необходимости разработки универсальных понятий, приложимых к лингвистической теории и к теории культуры, Ю.С. Степанов писал еще в 1974 году [17, с. 574]. В.Н. Телия тоже утверждала, что культурная компетенция не совпадает с языковой. Размышляя о диалоге языка и культуры, она обратила внимание на то, что переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода, владение которым называется культурно-языковой компетенцией [18, с. 75]. Овладеть такой компетенцией можно только в процессе усвоения языка, что в значительной мере опосредуется текстами культуры. При этом в понятие «тексты культуры» включается вся полнота образов картины мира [19, с. 8-69].

Со второй половины XX века термин «картина мира» стала рассматриваться как семиотический знак, отражающий и кодирующий разнообразные формы познания (См. труды: Е.С. Кубряковой, Ю.Н. Караулова, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, В.И. Карасика, Ю.Д. Апресяна, В.А. Масловой, А. Вежбицкой и др.). В этих

работах постулируется мысль о том, что «языковая картина мира отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными феноменами и ценностями» [20, с. 71]. Эти ценности и феномены «складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [21, с. 39].

Носители языка, существуя в сложной лингвокогнитивной сети своего социума, находятся в постоянном коммуникативном взаимодействии внутри многоструктурного пространства. Бесчисленное количество связей, директив, контактов, ассоциаций, влияний, подчинений и изменений, происходящих с социо-языковым индивидом, выстраивается в систему текстов, декодирование которых обуславливает правильное коммуникативное поведение и понимание культуры окружающего мира.

Понимание культуры как семиотического объекта предполагает существование ее в форме текстов – «знаковых произведений духовной деятельности человека» [22, с. 120]. Культурные феномены становятся знаками только в том случае, если они живут в настоящем, влияют на развитие личности, передают современникам социальный опыт прошлого, обеспечивают духовное общение, то есть выполняют функции культуры. Поэтому, по мнению Ю.Б. Пикулевой, о культурных знаках мы можем говорить только «...в пределах актуальной культуры, в которую входят хрестоматийные, общеизвестные, неоднократно используемые знаки, то есть прецеденты». [23, с. 268-267]. Ю.Б. Пикулева определяет культурные знаки как прецедентные феномены актуальной культуры, различные по природе, неоднократно употребляемые, входящие в коллективную когнитивную базу лингвокультурного сообщества.

Прецедентные тексты как культурные знаки важны для каждой отдельной личности в интеллектуальном и эмоциональном отношениях и сохранении культурной памяти об источнике или контекстах употребления.

На вопрос: где, когда и каким образом возникает ситуация, в которой актуализируются «прецедентные значения», следует искать ответ в когнитивистике – науке об общих принципах, управляющих ментальными процессами. Наиболее естественный доступ к этим ментальным процессам обеспечивает вербальный язык, благодаря которому описываются структуры сознания.

С точки зрения И.А. Мельчука, запись любого смысла должна быть удобна для моделирования, отображать «всю интеллектуальную и иную деятельность людей, достаточно тесно связанную с речью» [24, с. 11]. Языковая модель оказывается тесно переплетенной с моделями восприятия. Для представления таких структур используются различные типы моделей:

- фреймовый сценарий;
- гештальтная схема;
- семантическая сеть и др.

Не претендуя на полное освещение общих проблем ситуационной семантики, остановимся на категориях, непосредственно касающихся темы нашего

исследования.

М. Минский определял фрейм как структуру данных для представления стереотипной ситуации [25, с. 7]. Основные типы фреймов по М. Минскому – это статические фреймы и динамические фреймы, или сценарии.

Мнения ученых расходятся по поводу отношения между лингвистической и когнитивной составляющими категории «фрейм». Нам представляется оправданным обращение к семи постулатам когнитивной лингвистики, которые были выдвинуты А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским. Выдвинув постулаты о примате когнитивного; о нерелевантности лингвистического и экстралингвистического знания; о тенденции к экономии усилий; о множественностях воплощения когнитивных структур и семантического описания; о неоднородности плана содержания и о значимости нестандартных употреблений, упомянутые авторы сняли противопоставление лингвистического и экстралингвистического и обосновали необходимость использования различных методов и их комбинирования в одном исследовании [26, с. 12].

Анализируя базовые понятия когнитивной лингвистики, В.А. Маслова считает, что фреймы и сценарии используются для свертывания концептов и служат в качестве обобщенных моделей организации культурного знания [27, с. 48]. Она также приводит точку зрения Е.Г. Беляевской, рассматривающей лексическое значение слова как особым образом организованный микрофрейм [28, с. 34]. Заслуживает внимания образное замечание В.И. Карасика о спиралевидном характере фрейма: «... человек вспоминает о чем-либо, вовлекая в исходный образ весь свой жизненный ассоциативный опыт, который как бы раскручивается по спирали» [7, с. 152]. Отталкиваясь от этих противоположных точек зрения, заметим, что наша позиция в этом вопросе состоит в следующем: мы предлагаем ввести понятие принципа возвратно-поступательной динамики фрейма, который мог бы учитывать неоднородный характер движения фрейма в человеческом сознании. Поступая в сознание человека в свернутом виде, фрейм хранится в культурной памяти до определенного момента. Как только фрейм востребуется, начинается процесс его обратного раскручивания в памяти индивида.

Поиск ответа на вопрос, на каком уровне человеческого сознания существует подобный «пакет» информации, то есть фрейм, привел нас к точке зрения К. Юнга, утверждавшего, что «сознательные содержания, утрачивая свою энергетическую ценность, могут становиться бессознательными», и называл это «нормальным процессом забывания» [29, с. 220]. Хранение того, что забыто, происходит на промежуточном уровне, который определяется З. Фрейдом как предсознание. Предсознание – та часть бессознательного, которая может быть сознанием, она подобна большому складу памяти, в котором сознание нуждается, выполняя свою повседневную работу [30, с. 59]. На этом же уровне хранится свернутая во фреймы и сценарии информация, ожидающая, когда, в зависимости от осуществления индивидом роли продуцента или реципиента речи, произойдет запрос. Принадлежность индивида к той или иной актуальной культуре обуславливает наличие или отсутствие в его сознании устойчивого текста. Принимая во внимание

этот факт, лингвисты [31] делают вывод о приобретении подобными текстами знаковых свойств определенного класса типовых ситуаций данной культуры или нескольких культур. Так, например, в англо-американской лингвокультуре фрейм «Pilgrim Fathers» символизирует первых английских колонистов, основателей нации; заимствованный из кельтской мифологии сюжет о Тристане и Изольде (Tristan and Iseult) символизирует неутоленную страсть, а упоминание о библейской сцене Армагеддона (Armageddon) активизирует в сознании индивида сценарий «Борьба добра и зла».

Подобные прецедентные феномены давно укрепились в массовом сознании, приобрели устойчивость в плане выражения и в плане содержания и, по определению Ю.М. Лотмана [32], перешли в условную область кода. Подтверждая этот тезис, В.М. Савицкий и О.А. Кулаева писали, что на более высоком уровне семиозиса текст становится единицей кода, то есть превращается в знак [33, с. 144]. Обращаясь к вопросу о типах устойчивости, указанные авторы предлагают следующую типологию:

- системно-языковая устойчивость – для единиц, обладающих в целом высокой устойчивостью и в подавляющем большинстве анонимные;
- нормативно-речевая устойчивость – для единиц средней устойчивости, в большинстве случаев авторского происхождения;
- культурологическая устойчивость – для вербальных образований сверхфразового уровня, обладающих разными степенями устойчивости, часто низкой степенью, и в значительной степени авторские [33, с. 29].

Не все тексты суть знаки, одинаково активные в различные периоды времени. Так, например, роль стереотипов массовой культуры столь велика, что повседневный дискурс современника практически непредставим вне влияния средств массовой информации, телевидения, рекламы и т.д. [34, с. 10].

Таким образом, знаки прецедентных текстов:

- маркируют речь, придавая ей специфическую кодированную форму;
- в пределах определенного исторического хронотопа и социокультурного контекста являются символами лингвокультурного кода, с помощью которого устанавливается однотипное социальное отношение к выражаемому смыслу;
- знания о знаках прецедентных текстов хранятся в культурной памяти человека в виде фреймов, которые не являются статичными, они существуют по принципу возвратно-поступательного движения в сознании индивида, который позволяет учитывать процесс свертывания и раскручивания информации.

1.4 Когнитивный аспект изучения прецедентных текстов

Ответы на вопросы, как хранятся прецедентные тексты в вербальной памяти индивида, как актуализируются в том или ином дискурсе следует искать в когнитологии. Так, в статье «Как тексты становятся прецедентными» В.Г.

Костомаров и Н.Д. Бурвикова [35, с. 74 – 75] выделяют следующие свойства прецедентных текстов:

- анафоричность по отношению к породившему его тексту;
- дейктичность по отношению к ситуации, в контексте которой оно в первый раз возникло;
- структурную автосемантическую.

Опираясь на известную книгу Н.А. Рубакина «Психология читателя и книги: Краткое введение в библиографическую психологию» [36, с. 74], авторы рассматриваемой статьи вводят понятие «сильной позиции» текста. Статус сильной позиции присваивается обычно заголовку, началу и концу текста. И если некоторое высказывание занимает в структуре исходного текста названные сильные позиции, у него «есть шанс» стать прецедентным. В культурной памяти остаются, по мнению авторов статьи, прежде всего так называемые «универсальные высказывания» (Ю.Н. Караулов называет их «генерализованными»), которые «самодостаточны для понимания, автосемантически, коммуникативно сильны. Отражая общеизвестные ... истины, они так естественно и легко изымаются из контекста, что прекрасно существуют и без него. Универсальные высказывания ближе всего к пословицам. < ... > И далеко не все люди, уместно употребляющие такие фразы, способны с уверенностью указать их автора (да это знание и не требуется для их нормального использования в коммуникации)» [36, с. 74].

Механизм образования прецедентных текстов, по мнению В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, представляет собой процесс «свертывания», редукции текста-источника до отдельного слова, словосочетания или фразы. Именно в таком виде прецедентные тексты хранятся в памяти носителей языка. Обратный процесс, связанный с актуализацией рассматриваемых единиц, подчиняется механизму «экфории» (термин Н.А. Рубакина) «оживления накопленного опыта по одной детали. В качестве подобной детали выступают прецедентное слово, словосочетание, предложение, текст» [36, с. 76].

В более широкий контекст когнитивных явлений вписывает прецедентный текст и механизмы его образования, хранения и воспроизведения. Так, Л.А. Шестак подчеркивает, что «общим принципом современной информатики является не линейный, а линейный характер передачи и восприятия. Многомерность же ее обеспечивается важными деталями контекстных повторов (подтекст), ассоциативной аранжировкой фоновой информации (исторической, политической, культурологической), экфорией – восстановлением целого по части, детали.

Когнитивной основой хранения и воспроизведения прецедентных текстов являются механизмы апперцепции:

- сохранения следов прошлого опыта в виде знаний индивида;
- лингвокреативного мышления, обеспечивающего «выводное знание» из логических причинно-следственных, условно-следственных, временных конструкций;
- механизм перцепции и отождествления разносущностных явлений «одновременного видения двух картин», т.е. метафоризации, переносов в

широком смысле слова» [37, с. 448 – 452].

Л.А. Шестак иллюстрирует выдвинутые постулаты примером, взятым из статьи Ю. Исакова [38, с. 229]:

Старый русский загадочно улыбается лежа на печи.

Старый американец скакал на лошади и палил из пистолета.

Старый цыган воровал лошадь, на которой скакал старый американец.

Старый африканский негр зубрил русскую грамматику.

Старый тунгус нашел в лесу метеорит.

Старый калмык читал Пушкина.

Старый египтянин впал в детство и собирал пирамидку.

Старый татарин собирался в гости.

Старый бразилец стирал футбольные трусы.

Старый кореец вот уже 46 лет управлял своей страной.

Старый француз рассматривал седину в бороде и щупал ребро.

И только молодежь вечно не знает, чем заняться.

Комментируя этот фрагмент, Л.А. Шестак отмечает:

1 неоднородность представленных прецедентных текстов:

- фольклорный и философский (*загадка русской души*);
- историко-страноведческий и культурологический (*об американце*);
- стереотипно-психологический, исторический и культурологический (о цыгане);
- собственно литературный текст («*Да будь я негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил ...*» В.В. Маяковский);
- научно-страноведческий, где имя тунгусский метеорит развернуто в текст;
- собственно литературный (из «*Памятника*» А.С. Пушкина).

2 незначимость поверхностного синтаксиса, т.к. предикатные конструкции заданы «сверхтекстом», а потому нарративны и могли бы быть представлены в коллаже номинативно:

- *русский на печи*;
- *египтянин с пирамидкой*;
- *калмык с томиком Пушкина*.

3 лексическая форма организована по принципу иерархических тезаурусных включений и синонимических замен (*тайга - лес, кореец - северокореец, язык - грамматика, учить - зубрить*).

На основании проанализированного фрагмента, автор делает вывод о том, что «считывание» прецедентных текстов осуществляется как считывание смысла («*русский не моделируем и бездеятелен*»; «*пирамиды - туристическая марка Египта*»; «*Бразилия - мировой футбольный лидер*»; «*вождь Северной Кореи бессменен*») в пределах синтаксического, морфологического, словообразовательного и лексического варьирования окружения опорных, ключевых слов:

- *старый* («*преклонных годов*»),
- *негр зубрил* («*выучил бы*»),

- русскую грамматику («русский»);
- татарин («хуже татарина») собирался в гости («незванный гость»).

Своеобразным шлагбаумом крену в подобную лингвистическую изоционность являются ключевые слова прецедентных текстов с мощным ассоциативным излучением: *загадочно улыбался* – «загадка русской души», «Умом Россию не понять» (Ф. Тютчев), «загадочная улыбка Джоконды»; *лежа на печи* – Емеля, Илья Муромец; *татарин в гости* – «незванный гость хуже татарина».

Прецедентный текст, хранящийся в тезаурусе (ментальной картине мира человека) в свернутом виде фрейма или слота (ситуация, качества героя, сформулированная в тексте жизненная максима), актуализируются частичным или даже аллюзийным его воспроизведением» [37, с. 448 – 452].

Механизмы актуализации прецедентных текстов рассматриваются в диссертации А.С. Евсеева «Основы теории аллюзии (на материале русского языка)» [39, с. 134]. Не используя термин «прецедентный текст», еще не получивший широкого распространения на тот период, автор называет все явления ввода «чужого слова» в тот или иной дискурс (цитации, имена литературных персонажей или политических деятелей, названия литературных произведений и др.) аллюзией. При этом А.С. Евсеев рассматривает аллюзию в двух аспектах:

- в статике («аллюзия как знак»);
- в динамике («аллюзия-процесс»).

Некоторые типы аллюзий-знаков равнозначны прецедентным текстам, а аллюзия-процесс отражает сам механизм их актуализации. В целом при обращении к прецедентному тексту как семиотическому знаку механизм его актуализации можно также, вслед за А.С. Евсеевым, обозначить термином аллюзивный семиозис. Однако в нашем исследовании, чтобы избежать нагромождения терминов, будем называть этот механизм просто аллюзией.

Способам хранения прецедентных текстов в вербальной памяти индивида и их ввода в дискурс посвящены и исследования Д.Б. Гудкова и В.В. Красных. Так, в одной из своих работ Д.Б. Гудков представляет результаты исследования только одного типа прецедентных текстов – прецедентного имени. Пытаясь выявить, как происходит сжатие информации, заключенной в исходном тексте (прототексте) и приписываемой тому или иному персонажу, автор проводит интересный эксперимент. Информантам (людям разного возраста, образования, места жительства) предлагалось заполнить анкеты, содержащие три задания. При этом анкета включала в себя 31 прецедентное имя. Задания формулировались следующим образом:

1) *Представляя своего (-ю) знакомого (-ую), Николай сказал, что он (она)... + список 31 имени;*

2) *Высказать свое предположение о содержании статьи, озаглавленной «Колумбы Сибири», «Рацион для Коцея», «Остатки молодеют»;*

3) *Закончить предложения с теми же прецедентными именами: Ее называли Софьей Ковалевской, потому что она...*

Результаты проведенного эксперимента позволили сделать некоторые выводы о характере хранения прецедентных имен в когнитивной базе носителей русского языка. Так, подчеркивается, что «культурные предметы», на которые указывают прецедентные имена, содержатся в когнитивной базе в виде национально-детерминированных минимизированных представлений, включающих лишь весьма ограниченный набор признаков соответствующего феномена.

Кощей Бессмертный в русских сказках обладает такими качествами, как сила, жестокость, богатство, преклонный возраст, бессмертие, коварство и др. В ответах же респондентов такое качество, как худоба (периферийное в фольклорном образе) фигурирует в 86% ответов, злоба – в 23%, уродливость – 10%, богатство – 5%».

Кроме того, анкеты показали, что некоторые имена не связаны слишком жестко с прецедентным текстом (прототекстом) или прецедентной ситуацией, они функционируют самостоятельно, выражая некоторые «вечные» качества:

- Моцарт – (64% – гениальный, талантливый, одаренный);
- Макаренко (100% – учитель, педагог, воспитатель);
- Кулибин (77% – изобретатель).

В целом, по мнению Д.Б. Гудкова, все прецедентные имена можно разделить на две категории:

1) те, за которыми стоит цельное представление (одно качество преобладает над другими): *дядя Степа* – 83% *высокий рост*; *Колобок* – 90% *толстый*;

2) диффузные представления (большой набор качеств): *Остан Бендер* – *жулик, аферист, прохиндей* (29%); *умница* – 14%; *носит длинный шарф* – 11%; *романтик, мечтатель* – 10%; *найдет выход из любого положения* – 8,5% [40, с. 85].

Продолжением линии исследования прецедентных текстов являются работы В.В. Красных, в которых автор расширяет терминологическое поле, вводя понятия:

- прецедентный феномен;
- прецедентная ситуация;
- прецедентное имя;
- прецедентное высказывание.

В данном терминологическом поле прецедентный феномен является родовым понятием по отношению ко всем остальным, В.В. Красных, несколько модифицируя определение Ю.Н. Караулова, к числу прецедентных относит «феномены:

- хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);
- прецедентный феномен «хорошо известен всем представителям...» постольку, поскольку последние знают (как минимум) о его существовании
- имеют некий общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия;
- актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

- за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о том, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными;
- обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества;
- говоря о постоянной апелляции к прецедентным феноменам (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что «возобновляемость» обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть «потенциальной», т.е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария;
- однако данный критерий (постоянная возобновляемость в речи) может быть признан «факультативным» далеко не для всех прецедентных феноменов (так, ни при каких условиях он не может быть признан таковым для прецедентных высказываний), вследствие чего мы поместили его в ряд обязательных дифференциальных признаков прецедентных феноменов».

Также, по мнению В.В. Красных, «прецедентные феномены могут быть вербальными или невербальными: к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым – произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.» [2, с. 42,46]. Далее автор рассматриваемой концепции приводит примеры невербального прецедентного феномена (персонаж Татьяны Васильевой в фильме «Самая обаятельная и привлекательная» описывается как «крокодил с улыбкой Джоконды»). Однако в общем строе рассуждений В.В. Красных и Д.Б. Гудкова просматривается понимание термина текст в чисто лингвистическом аспекте, т.е. как обязательно вербализованной единицы.

Вопросам вариативности прецедентного текста в процессе его функционирования в составе различных дискурсов посвящена статья К.П. Сидоренко «О парадигматике прецедентного текста» [41, с. 123]. Важным представляется введение автором понятия начальной формы цитатно-прецедентной парадигмы, т.е. «исходного фрагмента, форма которого в плане общезыковой системы не является (или не всегда является) начальной. Например, *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* будет начальной формой парадигмы по отношению к, казалось бы, естественному инфинитивному варианту *воздвигнуть памятник нерукотворный* [41, с. 123].

Проанализировав функционирование в речи разнообразных по структуре прецедентных текстов, К.П. Сидоренко предлагает некоторую классификацию их парадигматических вариантов. Морфологическая парадигма может быть представлена вариациями падежа или глагольных форм. «Маркированным» в пределах этой парадигмы автор считает и случаи сохранения начальной формы вопреки принципиально противоречащим синтаксическим условиям.

Лексическая парадигма предполагает изменение того или иного компонента цитаты, что приводит к образованию вариантов прецедентного текста. Различные типы модальной парадигмы (на уровне субъективной и объективной модальности) связаны с «вкраплениями» в исходный прецедентный текст вводных слов, изменения местоимений и других формальных показателей модальности. В целом, сравнение трансформированных по тем или иным параметрам прецедентных текстов с исходным можно проводить, по мнению К.П. Сидоренко, используя предложенное им понятие прецедентного поля, образующего в принципе для каждого прецедентного текста прецедентную парадигму. «В начальном положении такой парадигмы условно будут находиться фразеологизированные интертексты, получившие в языке самостоятельный статус (это может проявляться в их лексикографической фиксации). Прямая ссылка на автора - предпоследняя точка в «амплитуде» вариантных колебаний (последней точкой, по-видимому, будет прямая цитата).

Итак, парадигма прецедентного текста соотносится практически со всеми признаками, составляющими понятие интертексты как минимальной содержательной, в том числе организационной, единицы исходного текста» [41, с. 125 – 130]. Выявленные К.П. Сидоренко параметры трансформаций и пределы вариативности прецедентных текстов могут быть «выверены».

Таким образом, механизм образования прецедентных текстов представляет собой процесс «свертывания», редукции текста-источника до отдельного слова, словосочетания или фразы. Именно в таком виде прецедентные тексты хранятся в памяти носителей языка. Обратный процесс, связанный с актуализацией рассматриваемых единиц, подчиняется механизму «экфории» «оживления накопленного опыта по одной детали.

Когнитивной основой хранения и воспроизведения прецедентных текстов являются механизмы апперцепции:

- сохранения следов прошлого опыта в виде знаний индивида;
- лингвокреативного мышления, обеспечивающего «выводное знание» из логических причинно-следственных, условно-следственных, временных конструкций;
- механизм перцепции и отождествления разнотелных явлений «одновременного видения двух картин», т.е. метафоризации, переносов в широком смысле слова».

1.5 Прагматические составляющие изучения прецедентных текстов

На основе исследований прецедентных текстов Ю.Н. Караулов называет их «готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками», подчеркивая «двуипостасность» этих единиц:

- они содержат некоторые знания о мире (пусть даже в виде «мыслей о мыслях»), и значит, участвуют в формировании когнитивного уровня языковой личности;

- в своем функционировании представляют высший, мотивационный, прагматический уровень языковой способности.

Ю.Н. Караулов акцентирует внимание на функционировании прецедентных текстов, они используются, по мнению ученого:

- как критерий оценки и сравнения;
- как аргумент в дискуссии, к ним прибегают для демонстрации преимущества перед партнером в диалоге (например, когда упоминается «текст», который как бы все должны знать, а партнер по диалогу не знает) или для подтверждения принадлежности коммуникантов к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою;
- как критерий самооценки [42, с. 44].

Таким образом, прецедентный текст может быть включен в систему мотиваций и оценок поступков и «идеологий» людей, подвергая их как бы «испытанию прецедентностью». В итоге прецедентные для данной языковой личности тексты сплетаются в довольно плотную сеть, «пропустив» через которую ее дискурс (т.е. некоторый, достаточно представительный массив порожденных самой ею текстов):

- мы получаем «в остатке» те проблемы, которые данная личность считает жизненно важными, самыми главными для себя и над разрешением которых она бьется;
- мы получаем набор черт ее индивидуального характера, отраженный с помощью тех же прецедентных текстов;
- мы получаем систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно;
- мы получаем совокупность мотивов, определяющих ее позицию и образ действий [5, с. 235].

В социологии референтной называется группа, с которой индивид чувствует себя связанным наиболее тесно и в которой он черпает нормы, ценности и установки своего поведения. Антиреферентная группа формируется по тому же принципу, что референтная, но с обратным знаком.

Еще одно положение, выдвинутое Ю.Н. Карауловым и касающееся одного из способов использования прецедентных текстов в дискурсе языковой личности, а именно – референтного, открывает для нас перспективы «диагностирования прецедентностью» не только отдельной языковой личности, но и целого коллектива людей, например, педагогов, работающих в учебном заведении.

Суть названного способа ввода прецедентных текстов в дискурс состоит в том, что за счет обращения к прецедентным текстам (особенно к прецедентным именам) языковая личность как бы расширяет рамки своей референтной или антиреферентной группы. Причем в этом случае совершенно неважно, принадлежит ли имя исторически реальной личности или литературному персонажу. Здесь мы лишь декларируем эту идею, принимая на вооружение предложенную Ю.Н. Карауловым методику.

Прецедентные тексты как единица языковой способности активно используется при реализации регулятивной, воздействующей функции языка.

Так, А.Н. Баранов рассматривает ситуацию речевого воздействия как «взаимодействие моделей мира реципиента и автора, как диалог на базе материальной проявленности текста» [43, с. 5 – 7]. Такой подход является нетрадиционным, так как «в теории речевого воздействия направление исследования обычно асимметрично по отношению к участникам общения. Оно осуществляется от позиции автора текста, его гносеологически-психологических установок. Эти установки направлены на описание мира, изменение мира и его оценку с целью повлиять на интеллект, эмоции и волю реципиента» [43, с. 7]. А.Н. Баранов считает такую стратегию неправомерной, предлагая описание действий как автора, так и реципиента.

Действия **автора** при этом сводятся к следующим шагам:

- формирование цели воздействия, исходя из ситуации текстовой деятельности и своего ценностного универсума;
- сбор информации о реципиенте, его личностных характеристиках, его ценностном универсуме, особенностях его модели мира (чем больше информации собрано о реципиенте, тем эффективнее коммуникация);
- сравнение своей модели мира с моделью реципиента, определение зоны пресуппозиций, фиксация «авторитета» в модели реципиента;
- уточнение цели воздействия и формы воздействия (выработка стратегий);
- порождение текста определенной интенциональности с отбором языковых выражений и метатекстовых маркеров, обеспечивающих эффективность воздействия.

Действия **реципиента**:

- формирование цели общения, исходя из ситуации текстовой деятельности и своего ценностного универсума;
- сбор информации об авторе, ситуации общения, пред- и затекстовых данных;
- восприятие текста [43, с. 7].

Таким образом, в рассматриваемой статье А.Н. Баранова тип текста-посредника в общении между автором и реципиентом не определяется, но предложенная модель взаимодействия и взаимовлияния автора и адресата (реципиента) «вписывается» и в наши представления о создании и интерпретации любого текста, в нашем случае – прецедентного.

1.6 Лингвокультурологический характер прецедентных текстов

Общепризнанным является мысль о том, что «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [5, с. 216]. Будучи культурным знаком, прецедентный текст оказывается вовлеченным в лингвокультурологическую парадигму научных исследований.

Так, в свое время Д.С. Лихачев писал о том, что национальный язык в потенции – как бы заместитель русской культуры. <...> Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры. <...> В концептосферу входят даже названия произведений, которые через свои значения порождают концепты. Так, например, когда мы говорим «Обломов», мы можем, грубо говоря, разуместь три значения этого слова:

- либо название известного произведения Гончарова,
- либо героя этого произведения,
- либо определенный тип человека.

И вот в зависимости от того, читали ли мы Гончарова, насколько глубоко и по-своему поняли его и сблизили со своим культурным опытом, все три концепта будут в пределах контекста различаться по смыслу. Тем не менее, для всякого человека слово «Обломов» говорит чрезвычайно много. Потенциально в нашем сознании со словом «Обломов» возникает целый мир столичной и деревенской жизни, мир русского характера, сословных и возрастных особенностей и т.д.» [44, с. 3]. Эти идеи Д.С. Лихачева получили свое дальнейшее развитие в трудах современных ученых. Так, Г.Г. Слышкин, вслед за Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдером, использует терминологическое обозначение «текстовая концептосфера», под которым понимаются «фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителя языка с известными ему текстами» [45, с. 37]. При этом отмечается, что не все тексты входят в текстовую концептосферу, а только такие, которые, будучи воспринятыми (целиком или фрагментарно), остаются в сознании адресата и затем включаются во вновь порождаемые тексты в виде трансформаций или прямых цитат, являясь при этом предметом рефлексии. Подобные тексты, как утверждает Г.Г. Слышкин, обозначаются современной лингвистикой как «прецедентные тексты» [45, с. 38]. Очевидно, что не все тексты, воспринимаемые носителями языка, становятся прецедентными и входят в текстовую концептосферу. Многие оставляют в сознании невербальный след и/или влекут за собой перестройку тезауруса адресата. При этом сам текст «уничтожается» в процессе восприятия.

В процессе формирования концепта прецедентного текста в коллективном сознании на него влияет не только авторское слово, заключенное в тексте-источнике, но ряд факторов, связанных с существованием этого текста как артефакта культуры. В связи с этим Г.Г. Слышкин выделяет внутритекстовые и внетекстовые аспекты прецедентности.

Прагматическая составляющая прецедентных текстов, их эмоциональная нагруженность как культурных знаков, обуславливает разнообразие функций и способов апелляции к ним в дискурсе. Особенно важными в этом аспекте оказываются:

- регулятивная (в терминологии Г.Г. Слышкина – персуазивная);
- парольная (как средство групповой идентификации).

Здесь же назовем еще некоторые функции, выделяемые Г.Г. Слышкиным. Это, например, номинативная функция (упоминаемая и в монографии Ю.Н. Караулова):

ведь прецедентный текст базируется на культурно-значимом вербальном произведении, отражающем актуальные для многих носителей языка фрагменты картины мира. Кроме того, «прецедентный текст становится объектом игры, выступая, таким образом, в людической функции. При этом автор подчеркивает, что «концепты прецедентных текстов непременно актуализируются в карнавально преобразованном виде в смеховых произведениях ... общества. Жанровые особенности смеховых текстов делают их наиболее удобным полем исследования существующей в сознании данного социума текстовой концептосферы» [45, с. 152]. Г.Г. Слышкиным было проведено исследование текстовых реминисценций на материале русского городского смехового фольклора.

Г.В. Денисова вводит в лингвистический оборот термины «лингвокультурное сознание» и «интертекстуальная энциклопедия», понимая под последней «полный объем памяти, связанной с комплексом знаний о мире, выработанным в рамках определенного культурного пространства на основе пользования естественным языком» [46, с. 144].

Различая вслед за Р. Бартом т.н. «сильные» и «слабые» тексты, Г.В. Денисова дает их классификацию на период второй половины 90-х – начала 2000-х годов. При этом автор различает литературные и нелитературные тексты. Несколько забегаая вперед, отметим, что сравнение приведенных данных с нашими выборками из «Русского ассоциативного словаря» показывает почти полное совпадение названных сильных (т.е. прецедентных) и некоторых слабых текстов. Впрочем, как отмечает и сама Г.В. Денисова, такое деление является достаточно условным, так как «любой текст может стать «сильным» в какой-то фазе своего развития, причем совершенно непредсказуемо, какой именно текст станет «общим местом памяти», а какой будет забыт. Это зависит:

- от изменений в обществе, в котором постоянно происходит «переоценка ценностей»;
- от изменения положения той или иной влиятельной референтной группы, которая своими оценками как раз и обеспечивает успех своих текстов («сильным» текст становится не из-за того, что в нем написано, а благодаря тому, кем и когда он прочитывается);
- а также от статуса писателя или самой литературы как социального института...» [46, с. 129].

2 Имена собственные как маркеры национального когнитивного пространства

2.1 Имя собственное как объект лингвистического исследования

Имя собственное определяется в лингвистической науке, как «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого объекта среди других

объектов и его индивидуализации и идентификации» [47, с. 95]. Общеизвестным является факт признания имен собственных объектом лингвистического анализа, однако до сих пор является дискуссионным установление границ ономастики в лексической системе, сложность и спорность этой проблемы доказываются самой историей изучения собственных имен. В лексике каждого языка имена собственные образуют особый разряд, который противопоставляется именам нарицательным и обладает своими специфическими признаками. Вот некоторые различительные признаки:

- собственное имя не обозначает, а называет, «у имен собственных способность обозначать ограничена до предела» (А.А. Реформатский);
- имена собственные и нарицательные обладают различной степенью лексической абстракции. О.С. Ахманова считает, что собственное имя лишено сигнификативной функции и является «простым знаком, указывающим на известную вещь, событие, положение и т.п.» [48]. Эту точку зрения разделяет А.А. Реформатский, который пишет, что «иногда создается впечатление, что семейство собственных имен, с одной стороны, напоминает чем-то эсперанто, ... а с другой стороны, даже «заумный язык». Однако ряд лингвистов считает, что имя собственное также обладает определенной способностью к обобщению.

Собственное имя «семантически редуцировано» и не соотносено с понятием. Этот тезис поддерживается А.А. Реформатским, который указывал, что «превращение нарицательного имени в собственное означает, прежде всего, утрату понятия и превращение слова в кличку; наоборот, превращение собственного имени в нарицательное связано с наполнением слова новым понятием с новыми существенными признаками» [49, с. 61 – 62].

Ряд лингвистов выступает против этой точки зрения, согласно которой у имени собственного нет какого-либо значения.

Интересен подход к проблеме собственных имен академика Л.В. Щербы. Он пишет: «Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от имен нарицательных; поскольку же они являются словами, постольку нет никаких оснований исключать их из словаря. Весь вопрос состоит в определении того, что в языке является «значением собственных имен» [50, с. 278].

Анализируя различные теории собственных имен, А.В. Суперанская отмечает, что отсутствие их единой концепции объясняется «различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях» [51, с. 89].

Кроме того, многие теории создавались на недостаточном фактическом материале, оторванном от живого употребления. Ряд лингвистов, исходя из положения Ф. де Соссюра, что любое слово есть знак, понимают идею знака нерасчлененно и не останавливаются на специфике имен собственных. Однако рассмотренные выше характеристики собственного имени, более тесная, чем у нарицательного, связь имени с объектом, непосредственность этой связи говорят о наличии кардинальных различий между именами собственными и нарицательными: «У имен собственных иные темпы роста по сравнению с именами нарицательными, поскольку каждое имя для нового именованного (даже если при этом повторено старое, хорошо известное) создается в активе индивидуальной номинации. Таким образом, ежедневно осуществляются тысячи актов новой номинации. Темпы роста имен нарицательных значительно ниже: новое слово создается или заимствуется для новой вещи» [52, с. 123].

Большинство собственных имен целиком или частично происходят от нарицательных, вследствие чего их семантика более сложна. Создаваясь на базе нарицательных, собственные имена употребляются не в том же значении, что и последние, поэтому их нельзя рассматривать в одном ряду. Собственные имена являются скорее не грамматической, а лексической категорией, поскольку именно лексические категории проявляют тенденцию к инвариантности относительно перевода. Другой особенностью собственных имен по сравнению с другими лексическими классами является наиболее высокая устойчивость онама при лингвистических преобразованиях текста (перевод) и при экстралингвистических преобразованиях денотата (название судна сохраняется после его ремонта, имя человека не зависит от его возраста и т.д.).

В качестве еще одного формального различия между рассматриваемыми категориями слов можно указать на специфику словообразования собственного имени: «Собственные имена данного языка подчиняются, насколько это возможно, закономерностям, существующим в нем для имен нарицательных. Но, поскольку круг источников собственных имен любого языка неизмеримо шире круга источников его нарицательных имен, естественно, и круг языковых явлений,

представленных в них, должен быть шире. Отсюда более широкий диапазон звучаний и менее строгие морфологические рамки собственных имен».

Итак, собственные имена входят в лексическую систему любого языка в качестве особого класса слов, обладающего рядом специфических признаков. Являясь языковым фактом, имена собственные подчиняются в принципе внутренним законам конкретного языка, вместе с тем проявляют своеобразие. Особенности этого класса слов необходимо учитывать на всех уровнях языкового анализа, как в плане содержания, так и в плане выражения. Собственное имя дается индивидуальному объекту, это «вторичное название данного предмета, дополняющее и уточняющее первичное, нарицательное, и служащее для различения известных подобных предметов друг от друга». Прежде всего, оно служит средством номинации индивидуального предмета. Собственное имя не связано непосредственно с понятием. У него нет общего значения, так же как у нарицательных отсутствует индивидуальное. Оно не существует вне его отнесенности к конкретному предмету, который всегда четко определен. Это представляется наиболее существенным в определении специфики собственных имен: «без денотата нет имени».

Интересен тезис В. Бланара о том, что «положение имен собственных в языке характеризуется двумя противоположными, но связанными тенденциями: (1) постоянным взаимодействием со всем его словарным составом и системой и (2) стремлением имен собственных поляризоваться от имен нарицательных». «Имена собственные невозможно оторвать от языка их создавшего и питающего».

Особое положение имен собственных в языке, интерес, который они вызывают у исследователей, привели к формированию ономастики, сложившейся к настоящему времени в самостоятельную лингвистическую дисциплину с четко очерченным кругом проблем и своими собственными исследовательскими методами.

Одной из актуальных задач ономастики является исследование языковых особенностей собственных имен, которые складываются, с одной стороны, с учетом системных возможностей данного языка, а с другой – с учетом потребностей и возможностей данной онимической системы.

Ономастическое пространство, в целом, практически необозримо, что вызывает объективную необходимость разделения его на определенные секторы. Так, в ономастическом пространстве могут быть выделены: антропонимия,

топонимия, зоонимия, фитонимия, космонимия, астрономия с астропонимией, хрононимия, хремотонимия, мифонимия и т.д.

Однако до сих пор дискуссионным остается вопрос о значении имени собственного. Так, на сегодняшний день существуют различные теории семантики имени собственного, представляющие собой «отметку, которую мы связываем в своем уме с идеей предмета» [53, с. 30]. По мнению Д.И. Ермоловича, все существующие концепции можно разделить условно на три: 1) «теория различительной формы»; 2) «теория предшествующего знания»; 3) «теория языковой индивидуализации» [54, с. 6]. А.В. Суперанская выделяет шесть теорий, основанных на связи имени с понятием и именуемым объектом [51, с. 7].

Являясь опорными точками в межъязыковой коммуникации, имена собственные исполняют функцию межъязыкового, межкультурного мостика, помогают преодолеть языковые барьеры, но при этом в своей изначальной языковой среде для них характерна сложная смысловая структура, обусловленная уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. Однако при передаче имени на другом языке большая часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени [55].

2.2 Дискуссии о статусе и семантике имени собственного

До сих пор в современных гуманитарных науках не стихает дискуссия о природе, статусе и семантике имен собственных в их соотношении с нарицательными существительными (См.: работы Н.Д. Арутюновой, В.И. Болотова, Д.Б. Гудкова, Д.И. Ермоловича, А.В. Суперанской и др.). В настоящем исследовании имена собственные понимаются как имена, которые даются индивидуальным (единичным) предметам. В ментально-вербальной базе человека такие имена воспринимаются как выделяющие предмет из круга ему подобных предметов.

Совокупность имен собственных не образует единого массива, а обладает признаками поля: в составе лексико-грамматического разряда имен собственных выделяется центр (люди, животные, географические и астрономические объекты) и периферия (названия кораблей, учреждений, компаний, произведений литературы, искусства, науки и др.).

При выявлении специфики имени собственного по сравнению с именем нарицательным специалисты основываются на соотношении между словом, его референтом, соответствующим этому имени понятием и смыслом данного слова в высказывании.

Слово в данном случае – это звуковой образ, который отображается на письме при помощи букв. Например, слово «стул» состоит из четырех фонем (в школьном

обозначении – из четырех звуков), которые отображаются на письме сочетанием четырех букв – *стул*.

Референт – это предмет, который обозначается данным словом. Например, слово «*стул*» обозначает предмет мебели, предназначенный сиденья, имеющий спинку (в отличие от табурета), не имеющий подлокотников (в отличие от кресла), предназначенный для одного (в отличие от скамьи). Этот *стул* можно потрогать, он может быть мягким или жестким, а также светлым или темным.

Денотат – это обобщенный образ предмета, который существует только в сознании, это своего рода обобщенное представление о свойствах самых различных стульев. *Стул* как денотат не может быть мягким или жестким, а также светлым или темным, совсем новым или очень старым.

Значение слова – это отношение его звукового облика к референту и денотату. В одних случаях в этом значении преобладает связь с денотатом, а в других – с референтом.

Лексическое значение слова в языке – это комплекс семантических признаков (сем), указывающих на наиболее существенные признаки денотата; среди этих признаков различаются смысловые (семантические) и эмоциональные компоненты. Многие специалисты включают в значение слова также эмоциональные, сочетаемостные и некоторые иные компоненты.

Смысл слова – это комплекс семантических и иных признаков, которые связываются с данным словом в сознании конкретного человека или в сознании какой-то группы лиц. Например, смысл слова «*море*» существенно различается в сознании капитана рыболовецкого судна и шахтера, который любит проводить отпускные недели в Сочи. По-разному воспринимают смысл слова «*кресло*» чиновник, для которого «*кресло*» – это основное рабочее место, и шахтер, для которого «*кресло*» – это мебель для комфортного отдыха.

Смысл слова в речи (в высказывании, в тексте) – это комплекс семантических и иных признаков, которые связаны с рассматриваемым словом при его использовании именно в данном высказывании. Этот смысл может сближаться с денотатом (например, когда мы вспоминаем о разнообразии стульев в мебельном магазине), но может отражать и свойства референта (например, признаки конкретного стула, который стоит моем рабочем кабинете).

Важно разграничивать логический и лингвистические подходы к пониманию имени собственного и его значения. Как показывает Н.Д. Арутюнова, «логик под термином «значение» понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание языковых выражения [56, с. 8]. Вместе с тем существуют лингвистические концепции, которые включают в значение отношение имени, с одной стороны, к понятию (денотату), а с другой – к референту (предмету, который обозначается данным именем). Специалисты по философии и логике, обращаясь к изучению имен собственных, значительное (а часто и основное) внимание обращают на тождество референта в суждениях с одним и тем же референтом, тогда как

лингвисты активнее занимаются проблемами варьирования смысла соответствующих имен.

При рассмотрении сущности имени собственного к числу наиболее дискуссионных относится вопрос о том, в чем конкретно состоит отличие имени собственного от имени нарицательного. Как показывает специальный обзор, сделанный Д.И. Ермоловичем (2005), чаще всего специалисты выделяют следующие специфические черты имени собственного.

1. Имя собственное обозначает единичный референт, тогда как имя нарицательное обозначает множественный референт. Например, имена собственные *Лондон, Европа, Бернард Шоу* соотносятся именно с единичным (индивидуальным) референтом. Следует, однако, иметь в виду существование омонимов (город *Москва* и река *Москва*, писатели *Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой и А.К. Толстой*). В других случаях обнаруживается многозначность имени, одни из значений которого относятся к числу собственных, а другие – к числу нарицательных. Например, *Луна* как название небесного тела – это имя собственное, а *луна* как обозначение спутника той или иной планеты – это имя нарицательное. Соответственно *ловелас* как обозначение одного из множества женоугодников – это имя нарицательное, тогда как соответствующая фамилия – это имя собственное. Возможны и другие случаи соотношения имени собственного с множественным референтом, но они не изменяют общей закономерности.

2. Отсутствие у имени собственного лексического значения или (в других концепциях) особый характер лексического значения имени собственного.

Многие специалисты по логике, семиотике и ономастике (А. Гардинер, Е. Курилович, С. Ульманн и др.) солидарны с британским философом и логиком Дж. Миллем, который еще в начале прошлого века сделал вывод о том, что имя собственное не имеет лексического значения. Он писал: «Когда мы говорим о человеке, что это – Браун или Смит, или о городе, что это – Йорк, одним этим не сообщаем слушателю ничего об этих предметах. Давая возможность «узнать» эти единичные вещи, мы можем напомнить ему, что в данном городе находится кафедральный собор; это будет лишь выводом из того, что слушатель раньше знал о Йорке – в самом имени нет ничего подобного» [53, с. 31]. Автор подчеркивает, что информативность имени собственного связана не с наличием у него значения, а с тем, что читатель, возможно, имеет какой-то опыт знакомства с соответствующим референтом.

Следует согласиться, что имена собственные действительно не могут иметь такого значения, каким обладают имена нарицательные. Однако, как показал датский лингвист Х. Серенсен (1963), это вовсе не означает, что имена собственные не могут иметь значения вообще. Просто они имеют лексическое значение совершенно иного типа. Существует несколько концепций специфичности значения имени собственного.

1. Концепция энциклопедического значения. По мнению В.И. Болотова, А.А. Реформатского и ряда других специалистов, имена собственные имеют не лексическое (то есть языковое) значение, а энциклопедическое значение, которое

включает не отдельные семантические признаки, а всю информацию о соответствующем референте. Эта информация представлена в энциклопедических словарях. Например, в «Новейшем энциклопедическом словаре» [2006] представлена следующая статья:

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905-1984), русский писатель. Книга «Донские рассказы» (1926). В романе «Тихий Дон» (книги 1-4, 1928-1940) - драматическая судьба донского качества в годы революции, Первой мировой и Гражданской войн. Роман «Поднятая целина» (книги 1-2, 1932-1960) о коллективизации на Дону. Неоконченный роман «Они сражались за Родину» (1943-1969) посвящен Великой Отечественной войне. Публицистика. Произведения Шолохова переведены на многие языки мира. Нобелевская премия (1965).

В «Советском энциклопедическом словаре» (1988) акцентированы знаки общественного признания писателя.

Шолохов Михаил Александрович (1905-1984), русский советский писатель, общественный деятель, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1932 г. Книга «Донские рассказы» (1926). Выдающееся произведение социалистического реализма - роман «Тихий Дон» (книги 1-4, 1928-1940; Государственная премия СССР, 1941) - изображает донское казачество в годы 1-й мировой и гражданской войны...

Представленные в этих словарных статьях сведения и составляют основу лексического значения соответствующего имени собственного.

2. Концепция референтного значения. В соответствии с представлениями Д.И. Ермоловича, значение имени собственного – это его отношение к единичному референту, тогда как значение имени нарицательного – это его отношение к денотату и к неединичному референту. Если неединичный референт *писатель* обозначает автора художественных произведений (без их конкретизации), то единичный референт *Михаил Шолохов* обозначает создателя вполне конкретных текстов – «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека».

3. Концепция «полуантропонимов». В представлении М.Я. Блоха и Т.Н. Семеновой выделяются «полуантропонимы» как особый разряд имен собственных. К этому разряду относятся имена, который могут выступать и как собственные, и как нарицательные: например, именем *Рокфеллер* можно образно обозначить любого очень богатого человека (это употребление имени как нарицательного), однако в других случаях это может быть фамилией конкретного члена одной из наиболее богатых американских семей.

Дискуссионным является также вопрос о возможности компонентного анализа семантики имени собственного. В настоящем исследовании за основу взята концепция, которую отстаивают В. Бланар, К.М. Ирисханова, С.В. Перкас и других исследователи, считающие, что в значении антропонима можно выделить такие семы, как одушевленность, исчисляемость, антропонимность. Соответственно в значении топонимов выделяются семы предметности, единичности, соотнесенности с земной поверхностью, таксономичности (гора, болото, озеро и др.), сему координат и др.

В монографии Д.И. Ермоловича [54, с. 67 – 71] охарактеризованы четыре понятийных компонента, которые могут входить в семантику имени собственного. Три первых компонента относятся к числу обязательных, во всяком случае типичных:

- предметный компонент, который, по словам исследователя, представляет «как бы имплицитное сообщение о существовании некоего предмета»;
- классифицирующий компонент, связывающий имя с родовым понятием (река, город, человек, мужчина и др.): например, имя *Иван* воспринимается как указывающее на то, что его носитель – русский мужчина;
- индивидуализирующий компонент, «маркирующий специальную предназначенность данного имени для индивидуального наречения»: например, имя *Иван* предназначено для индивидуального наречения, а слова *трактор* и *сталь* – не предназначены, хотя в двадцатые годы прошлого века и были случаи, когда ребенка называли *Трактором* или *Сталью*.

Четвертый понятийный компонент Д.И. Ермолович называет дескриптивным, или характеризующим. Он встречается только у имен собственных, которые широко известны на уровне языка, то есть в национальном масштабе, в пределах всего языкового коллектива. Много в России было людей по фамилии Шолохов, но только один из них стал Нобелевским лауреатом и приобрел общенациональное (и международное) признание. Много в России сел, станиц и деревень, но общероссийскую известность имеют лишь некоторые – *Болдино*, *Ясная Поляна*, *Вешенская*. Абсолютное большинство других имен собственных известно лишь в пределах определенного социума – территориального, профессионального, семейного и др.

Д.И. Ермолович специально отмечает, что понятие «весь языковой коллектив» следует «трактовать весьма условно, как некоторую представительную совокупность образованных людей, рассматриваемых в качестве основных носителей лингвистической культуры общества» [54, с. 74]. Отметим также, что не существует отчетливых границ между общенациональной известностью имени собственного и его обращением лишь в кругу того или иного социума.

В широко известной монографии по теории ономастики подчеркивается, что «имя человека, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же чертами, при этом не подвергаясь полной апеллятивации» [57, с. 45]. Под апеллятивацией подразумевается переход имени собственного в иные лексические подсистемы, в частности в разряд нарицательных имен существительных [57, с. 38].

Специальные наблюдения показывают, что в основе метафорического развития семантики имен собственных чаще всего лежат индивидуальные признаки референта (человека, события, города и др.), носящего соответствующее имя и имеющего общенациональную известность. Отметим также, что сама по себе общенациональная известность еще не предполагает обязательной метафоризации имени собственного.

В исследовании О.Н. Долозовой представлены следующие составляющие прецедентного имени *Золушка*:

- *первичный референт* (R1), или прототип (предмет, обозначенный именем), – героиня сказки Ш. Перро /Е. Шварца – кинофильма / мультфильма;
- *денотат* (D) (экстенционал) – представление о референте, целостный образ, возникающий в сознании при назывании имени вне контекста: *Золушка – бедная падчерица, которая вышла замуж за принца*;
- *сигнификат* (S) (интенционал) – понятие или комплекс дифференциальных признаков, складывающихся на основе инварианта денотативного образа (*Какой? Что делает? Что происходит с ним?*);
- *вторичный референт* (R2) – X, обладающий признаками (одним из признаков), входящими в понятие S [58].

По мнению Д.Б. Гудкова, подобные имена не занимают отдельной «клетки» в классификационной «таблице» языковых единиц, являясь группой внутри имен собственных, но они представляют собой особые единицы дискурса [40, с. 121]. Вместе с тем в публикациях Д.Б. Гудкова и В.В. Красных постоянно упоминается о дифференциальных признаках прецедентных имен, что свидетельствует о том, что семантика этих слов рассматривается как состоящая из отдельных компонентов (сем). Исследование в настоящей монографии также ведется на основе признания возможности выделения в значениях прецедентных имен отдельных семантических признаков.

Итак, при всех различиях между рассмотренными концепциями имени собственного все специалисты признают особый статус имен собственных, обозначающих единичные референты (денотаты), которые широко известны в соответствующем языковом коллективе и могут служить обозначением тех или иных свойств.

2.3 Функциональная характеристика имени собственного

За последнее время в ономастической литературе наметился функциональный подход к проблеме семантической структуры имени собственного. Функциональный подход позволяет принять следующее положение: «имя собственное не имеет значения в языке...» Однако в речи художественного произведения имя собственное наполняется содержанием, которое включает все знания коммуникантов о называемом объекте, различающиеся полнотой качественной и количественной информации, но обязательно включающие функциональный подход к проблеме семантической структуры имени собственного.

В художественном произведении имена собственные помимо функции идентификации приобретают новые, художественно-стилистические функции. Имена собственные, реально существующие в языке, выполняя номинативно-различительную функцию, превращаются в тексте художественного произведения в характеризующие имена собственные. Кроме имен собственных, реально существующих в языке, имеются имена собственные, созданные автором. Эти имена

функционируют только в речи какого-то одного конкретного произведения. Тематические основы личных имен и прозвищ во многих европейских языках группируются по следующим семантическим признакам:

- обстоятельства рождения и семейные отношения: *Подкидыш, Найден, Любим, Меньшик, Внук, Дед, Милота*;
- внешний вид: *Лысак, Кругляк, Худыш, Беззуб, Брюхан, Бородай, Fatty, Carrots*.

Имя собственное может стать носителем новой, дополнительной информации при наличии двух условий:

1) если в нем накапливаются значения предыдущих контекстов (лингвистических или экстралингвистических);

2) если в тексте созданы условия для восприятия читателем этих новых семантических признаков.

Имя собственное характеризуется своей системой ассоциативных связей, которые раскрывают значение каждого конкретного употребления имени. Мы принимаем за основу определение ассоциации, данное Р.А. Унайбаевой: ассоциация – это «вербально выраженная связь с целым рядом других явлений, понятий и представлений, которые возникают у индивида» [59].

Исследователи делят ассоциации на:

- лингвистические (имена собственные можно классифицировать по способам их создания);
- экстралингвистические (классифицировать по их источнику).

Пожалуй, невозможно назвать ни одного языка, словарный фонд которого состоял бы из одних лишь национальных слов. Сказанное относится в полной мере к личным именам. Ономастикон (именной фонд, «инвентарь имен», «именинник» – Р.А. Комарова) справедливо рассматривается «как один из компонентов истории духовной культуры народа» [57]. Являясь одним из компонентов исторической и культурной жизни народа, ономастикон дает представление об истоках современного состояния антропонимической системы имен. Как и язык в целом, номенклатура имен языка отражает эпоху и состояние общества на определенном этапе его развития. Как и на язык в целом, на именной фонд английского языка влияют все изменения в общественном строе, в классовой структуре общества.

Таким образом, информация о языках, участвовавших и участвующих в формировании антропонимикона конкретного языка, имеет не только большой познавательный, но и, прежде всего, теоретический интерес [60].

Сложилось мнение, что онимическая лексика может пополняться:

- 1) путем онимизации нарицательных имен;
- 2) путем заимствования готовых имен или именных основ из других языков;
- 3) путем искусственного создания имен из лексики своего языка;
- 4) путем деривации на базе СИ своего языка [57].

Однако наблюдения над изучаемым материалом не позволяют полностью согласиться с данным мнением, потому что наряду с чистым заимствованием и чистой деривацией в антропонимии, как и в языке вообще, имеет место деривация

на базе заимствований. Собственные имена – своеобразная лексико-грамматическая категория, которая исследуется наукой в различных аспектах: специфика антропонима как языковой категории, структуру его значения, степень мотивированности семантики антропонима, функции антропонимов в языке и речи.

Широко изучается использование имен в художественной литературе, социальная обусловленность антропонимов, способы и средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в именах. Рассматриваются официальные и неофициальные формы антропонимов, их стилистическая дифференциация, продуктивные способы образования фамилий и имен в русском языке, антропонимия в территориальных и социальных диалектах. [61].

В ряде лексикографических источников этимологические данные о заимствованных личных именах не совпадают, при этом встречается двойная трактовка этимологии одного и того же имени. – *Angelus (gr.-lat.)*. В связи с этим этимология личных имен, участвующих в усечении, определялась с учетом частотности совпадения помет в словарях. Решающим фактором для отнесения личного имени к той или иной группе заимствований считались пометы, зафиксированные не в одном, а в нескольких словарях. При этом следует подчеркнуть, что усечения не всегда относятся к тем или иным этимологическим группам, что и исходные имена. Ономастика как раздел лингвистической науки представляет неотъемлемую часть фоновых знаний носителей языка и культуры, где как в зеркале отражаются история народа, освоение данной территории и взаимосвязь с другими этносами, которые живут по соседству испокон веков.

Таким образом, любая онимическая система включает в себя имена, отражающие определенный период исторического развития общества. Имена собственные – своеобразные памятники, в которых отражается общественная история этноса, прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей. Историзм имен собственных безусловен, потому как во многих случаях именно онимическая лексика сохраняет следы исчезнувших слов, которые не употребляются в настоящее время. Описание исторического аспекта номинации представляет большой интерес для исследования мотивов имя наречения [62].

Номенклатура современных английских личных имен представляется своеобразной, весьма причудливой мозаикой, составленной из именовании древних и новых, исконно английских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам.

Номенклатура современных английских личных имен представляется своеобразной, весьма причудливой мозаикой, составленной из именовании древних и новых, исконно английских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам. Мужскому имени *Abraham*, например, около 4000 лет, и оно употребляется в странах английского языка в течение нескольких веков (в настоящее время оно распространено главным образом в США), а женское имя *Sonia*, заимствованное из русского языка, вошло в обиход лишь в двадцатых годах нынешнего столетия. Английские личные имена прошли долгий путь исторического развития, путь,

неразрывно связанный с историей английского народа и английского языка.

Англосаксы, как и другие древние германские племена, имели лишь одно имя, которое по структуре могло быть простым (*Froda* – поэт. мудрый; старый; *Hwita* – белый, светлый, блестящий и др.) и сложным (*Aethelbeald* – благородный; отличный, превосходный + смелый, стойкий, отважный; *Eadgar* – поэт. собственность, владение, имущество: счастье; богатый + поэт. копье и др.).

Простые имена постепенно были вытеснены сложными, двухкомпонентными именами; после XIII в. они в номенклатуре английских личных имен не встречаются. В настоящее время у англичан и американцев есть лишь одно из древних простых имен. Это женское имя *Hilda*. Однако и это имя можно рассматривать как сокращенную форму имен *Brunhild(e)* и *Hildegarde* [63].

На семантическом уровне некоторые древнеанглийские сложные имена предстают как своеобразные экзоцентрические композиты, значение которых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов. Например, *Frithuwulf* – мир, безопасность; убежище, приют + волк; *Wigfrith* – борьба; спор, раздор; война + мир; безопасность; убежище, приют.

Компоненты сложных имен черпались из особого фонда древнеанглийских именных слов. Англосаксы верили в магические свойства «благожелательных» именных слов дарить носителю имени защиту и покровительство, богатство, здоровье, благополучие, отвагу, славу, почет и т.д. Сюда относятся, например, следующие древнеанглийские слова: *aelf* – эльф; *beoht* – яркий, блестящий, светлый; *beorn* – поэт. человек; воин; герой; *eald* – старый, старинный; прежний; *gar* – поэт. копье; *gifu*, *gyfu* – дар, подарок; благоволение, милость; *god* – хороший; добродетельный; благоприятный; полезный, подходящий; умелый; добро, дар; имущество; *gold* – золото; *maere* – известный, славный, великолепный; *gaed* – совет; решение; ум, мудрость; *gise* – могущественный; высокого звания; богатый; власть; *sae* – море; озеро; *sige* – победа; успех; *stan* – камень; *sunu* – сын; потомок; *weard* – страж, хранитель; защита; покровительство; стража; поэт. владелец; лорд; *wig* – борьба; спор, раздор; война; битва; доблесть; военная сила; *wine* – поэт. друг; защита; *wulf* – волк и др.

Комбинирование компонентов имен родителей для указания родственных отношений хорошо видно из примеров, приводимых известным английским ономастологом Перси Рини. В начале VII в. племянник короля Нортумбрии Эдвина *Hereric* – армия; войско; множество + могущественный; высокого звания; богатый; власть и его жена *Breguswith* – поэтический вождь, господин, король + сильный, суровый; жестокий; деятельный назвали свою дочь *Hereswith* – армия; войско; множество + сильный; суровый; жестокий; деятельный. Имя Св. Вулфстана (*Wulfstan* – волк + камень), епископа Вустера (1062 – 95) составлено из первого компонента имени матери *Wulfgifu* – волк + дар, подарок; благоволение, милость и второго компонента имени отца *Aethelstan* – благородный; отличный, превосходный + камень [64].

Принадлежность лиц к одной семье указывалась использованием мотивированных аллонимов, созданных либо путем аллитерации, либо путем комбинирования компонентов имен родителей.

По структурным и семантическим признакам древнеанглийские женские имена ничем не отличались от имен мужских. Показателем рода имени выступал второй компонент. У мужских имен он был представлен именами существительными мужского рода: *gar* – поэт. копьё; *hafoc* – ястреб; *helm* – защита, покрытие; шлем; поэт. защитник, покровитель; *man(n)* – человек; муж; герой; *raed* – совет; решение; ум, мудрость; *sige* – победа; успех; *sunu* – сын; потомок; *weard* – страж; хранитель; защита; покровительство; стража; поэт. владлец, лорд; *wig* – борьба; спор, раздор; война; *wine* – поэт. друг; защитник и др. Вторым компонентом женских имен были, соответственно, имена существительные женского рода: *burg*, *burn* – крепость, замок; обнесенный стенами город; *frithu* – мир; безопасность; убежище; приют; *gifu*, *gyfu* – дар, подарок; благоволение, милость; *guth* – поэт. бой, битва; война; *henn* – курица; *gun* – тайна, секрет; (тайный) совет; руна и др.

В качестве вторых компонентов использовались также имена прилагательные. У мужских имен это, как правило, имена прилагательные, указывающие на общественное положение и черты характера носителя имени: *beald* – смелый, стойкий, отважный; *beorht* – яркий, блестящий, светлый; *heah* – высокий; возвышенный; величественный, важный; горделивый, надменный; *heard* – твердый; тяжелый, трудный; сильный; энергичный; смелый, отважный; стойкий; *maere* – известный, славный, великолепный; *gise* – могущественный; высокого звания; богатый; власть и др. Многие женские имена в качестве второго компонента имеют имя прилагательное *leof* – дорогой, любимый; приятный [65].

Нашествия скандинавов (датчан и норвежцев) на Англию, начавшиеся в конце VIII в. и повторявшиеся в течение последующих столетий до XI в. (в 1042 г. политическое господство датчан было уничтожено), по-видимому, не оказали существенного влияния на систему имен, сложившуюся у англосаксов в то время. Скандинавы осели в восточных, центральных и северных частях Англии (территории Эссекса, Восточной Англии, часть территории Мерсея и Нортумбрии), образовав «область датского закона». Сравнительно быстро они слились с англосаксами, усвоив их нравы, язык, религию, общественные порядки и учреждения.

Крупным политическим событием, повлиявшим на дальнейшее развитие английского народа и английского языка, как известно, является вторжение в Англию норманнов, жителей северной области Франции – Нормандии. В 1066 г., после разгрома войск англосаксов при Гастингсе, герцог Нормандии Вильгельм был провозглашен королем Англии. Высшие гражданские и церковные должности заняли прибывшие с ним и переселившиеся позже чиновники и представители духовенства, говорившие на нормано-французском языке – разновидности старофранцузского языка.

Завоеватели импортировали свои антропонимы (современные имена *Hugo*, *Ralph*, *Richard*, *Robert*, *Roger*, *William* и др.), которые вскоре стали вытеснять

англосаксонские имена. Усвоение новых имен шло более интенсивно среди правящих кругов. Выжили лишь считанные англосаксонские имена, например, *Alfred, Edgar, Edmund, Edward, Ethelbert, Hilda, Mildred* и др.

Вытеснению англосаксонских имен способствовало влияние христианской религии, обращение в которую началось в Англии в VII в. Миссионеры папы Григория Великого начали прибывать в Англию из Рима в конце VI в. Они пользовались поддержкой королевской власти, и распространение христианской религии происходило довольно быстро. Монастыри и школы, преподавание в которых велось на латинском языке, постепенно становятся центрами распространения древнегреческой, римской и христианской культуры. Номенклатура личных имен начинает пополняться библейскими именами, непонятными для основной массы населения. Члены королевской семьи и высшие должностные лица начинают именоваться каноническими христианскими именами. Однако низшие слои населения по-прежнему именовались понятными им языческими именами, и до конца XVI в библейские имена еще не заняли доминирующего положения в системе английских личных имен. Как указывает Уидиком, в конце XII в. по частотности употребления библейское имя *John* занимало лишь пятое место, уступая первые места именам *William, Robert, Ralph* и *Richard*. А женские библейские имена *Mary, Anne, Joan* и *Elizabeth* впервые упоминаются в письменных памятниках в начале XIII в. [66].

В 1382 – 1384 гг. появился перевод Библии на среднеанглийский язык, выполненный Джоном Виклифом, а в 1538 г. в Англии вводится обязательная регистрация новорожденных, получавших имена и фамилии при крещении. По всей вероятности, начиная с этого времени, церковь добивается более интенсивного и широкого распространения канонических христианских имен. В XVI-XVIII вв. самыми распространенными мужскими именами были норманнское имя *William* и библейские имена *John* и *Thomas*, а наиболее популярными женскими именами стали *Elizabeth, Mary* и *Anne*.

Реформация – социально-политическое движение, принявшее в странах Западной Европы в XVI в. форму борьбы против католической церкви, - внесла существенные изменения в систему английских личных имен. Имятворческая фантазия пуритан, наиболее радикально настроенных сторонников движения, пополнила номенклатуру того времени «добродетельными» именами *Charity, Faith, Hope, Prudence* и др. (ср. русские женские имена Вера, Надежда, Любовь) [67].

Как известно, пуритане подвергались суровым репрессиям, и в первой половине XVII в. они были вынуждены эмигрировать в английские колонии в Северной Америке. В настоящее время в США ветхозаветные библейские имена *Abraham, Adam, Benjamin, Daniel, Elihu, Ira, Isaac, Samuel* и др. встречаются гораздо чаще, чем в Англии. Это объясняется, по-видимому, традициями, восходящими к периоду колонизации Америки и образования США.

Фактором, оказавшим значительное влияние на развитие системы английских личных имен, является литература, самым тесным образом связанная с

общественно-политической историей страны. Среди английских личных имен по-прежнему популярны придуманные имена:

Pamela – персонаж романа Сиднея «Аркадия» (1590);

Stella – героиня цикла сонетов Сиднея «Астрофель и Стелла» (1591);

Claribel – персонаж поэмы Спенсера «Королева фей» (1590-96);

Vanessa – имя героини поэмы Свифта «Каденус и Ванесса» (1726) и др. [68].

Исторические романы В. Скотта и цикл поэм Теннисона «Королевские идиллии» (1859-85) дали вторую жизнь многим забытым именам: Amy, Enid, Gareth, Geraint, Guinevere, Guy, Lancelot, Nigel и др. Забытое женское имя ALICE стало популярным во второй половине XIX в. после выхода в свет сказок Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» (1865) и «Алиса в Зазеркалье» (1871).

В XIV-XVI вв. в Англии редко встречались носители двух личных имен, например, John William Whytting, John Philip Capel, Thomas Maria Wingfield и др. В XVII-XVIII вв. именование двумя и более личными именами, в особенности девочек, было довольно распространенным явлением. Однако двойные имена Mary Anne, Mary Jane, Sarah Jane и др. и в то время рассматривались как одно имя.

Современные женские имена, образованные путем объединения частей двух имен, например, Anella (Ann(e) + Ella), Marianne (Mary + Anne), Saralinda (Sara(h) + Linda) и др., по-видимому, вошли в обиход несколько позже. Весьма возможно, что создание имен путем контаминации – явление, продуктивное и в наше время, – было вызвано стремлением иметь звучное, более короткое и цельнооформленное имя. Постепенно контаминированные имена вытеснили моду давать девочкам двойные имена типа Mary Anne, Mary Jane и др., и в настоящее время наличие двух личных имен у англичан и американцев явление довольно редкое.

Таким образом, являясь одним из компонентов исторической и культурной жизни народа, ономастикон дает представление об истоках современного состояния антропонимической системы имен. Как и язык в целом, номенклатура имен языка отражает эпоху и состояние общества на определенном этапе его развития. Как и на язык в целом, на именной фонд английского языка влияют все изменения в общественном строе, в классовой структуре общества.

2.4 Прецедентные тексты как фрагмент обыденного языкового сознания казахстанца

Одним из способов изучения и моделирования «образа современного казахстанца» может стать анализ прецедентных текстов, содержащихся в их вербальной памяти. Тем более этот факт актуален для нашей страны, так как Президентом РК Н.А. Назарбаевым определен курс на формирование трехязычной языковой личности.

Для выявления реального состояния языковой, в целом общекультурной подготовленности рядового казахстанца нами проведен социо-психолингвистический эксперимент, потребовавший разработки различных его этапов:

- **Определение «корпуса» прецедентных текстов.** В вербальной памяти любого казахстанца содержится определенный набор прецедентных текстов, в том числе и прецедентных имен – предмет нашего исследования, который отражает его готовность к рецепции и интерпретации.
- **Анализ корпуса прецедентных текстов,** который необходимо было сделать с точки зрения способов их хранения в вербальной памяти и включения в обыденный дискурс.
- **Выявление видов трансформаций,** которым подвергаются прецедентные тексты в языковом сознании, что позволило в свою очередь выявить концептуальное ядро, или концепты прецедентных текстов, которые являются «носителями» смысла и служат основой для дальнейших интертекстуальных манипуляций, а также готовности к языковой игре.
- **Отражение в прецедентном тексте мотивационного уровня** казахстанца как языковой личности, определение степени участия прецедентных текстов в ценностных установках казахстанца.

Итак, для решения первой задачи, связанной с выявлением корпуса прецедентных текстов, который нашел отражение в ассоциативно-вербальной сети (обыденном языковом сознании) казахстанца. Для этой цели нами выбраны стимулы и реакции из «потенциально прецедентных» текстов (которые составляют часть языковой способности и готовы включиться в дискурс индивида, «запустить аллюзивный механизм» и «вступить в игру»).

Так, просмотрим ассоциативные поля слов-стимулов: *ананас, господин, вальс.*

В ассоциативной памяти слова-стимула *ананас* находим ассоциативные пары: *ананас – в шампанском, шампанское – ананас – буржуй; ананас - рябчики; рябчики – ананас – Маяковский.*

Понятно, что не всякий носитель русского языка и русской культуры «расшифрует» заключенную в этих ассоциациях информацию. Первая пара - название поэтического сборника Игоря Северянина «Ананасы в шампанском» (1915). В одном из входящих в него стихотворений, «Увертюра», оборот «ананасы в шампанском» повторяется: «*Я трагедию жизни претворю в грезофарс.../ Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!/ Из Москвы в Нагасаки! Из Нью-Йорка на Марс!*» [69, с. 26].

Итак, первая ассоциативная пара – строка стихотворения «на слуху» в обыденном дискурсе любого образованного человека. Он использует ее, как символ красивой, роскошной, богемной жизни, о которой говорящий может только мечтать.

Вторая, третья и четвертая ассоциативные пары – ключевые слова стихотворения В.В. Маяковского «*Ешь ананасы*» (1917): «*Ешь ананасы, /Рябчиков жуй! /День твой последний приходит, /буржуй!*». В «Большом словаре крылатых слов русского языка» обозначена ситуация ее употребления: «*Патетическая угроза буржуазии; вообще - угроза кому бы то ни было*» [70, с. 161].

В ассоциативном поле слова-стимула *господин* нам встретились такие ассоциативные пары, скрывающие в себе прецедентные тексты:

- *господин* – из Сан-Франциско;

- *господин* – Головлев;
- *господин* – Хлестаков;
- *господин* – Чацкий.

Следует заметить, что все четыре пары ассоциатов включают в себя отсылки к хрестоматийным произведениям русской классической литературы. Однако это не значит, что на этом основании их можно автоматически причислить к прецедентным текстам. Ведь прецедентным текст может стать только в дискурсе языковой личности, превратившись в культурный знак, способный выполнять номинативную функцию. Однако рассматриваемы пар мы включили в наш общий список на следующих основаниях:

- во-первых, подобные лексические единицы отражают общий апперцептивный фон (фонд культурной грамотности) среднего носителя русского языка и культуры и потенциального читателя;
- во-вторых, некоторые из приведенных ассоциатов уже являются прецедентными (Хлестаков).

Остальные же можно назвать «потенциально прецедентными», так как, будучи включенными в определенную коммуникативную ситуацию, они могут стать ими (ведь одно из свойств прецедентных текстов – широкая известность, хрестоматийность – у них наличествует).

Слово-стимул *вальс* вызвало в качестве ассоциатов такие лексические единицы:

- вальс - бостон;*
- вальс - Н.Ростовой;*
- вальс – венский;*
- вальс - осенний сон;*
- вальс - Амурские волны;*
- вальс – Штрауса;*
- вальс - Наташа Ростова;*
- вальс – школьный.*

По мнению Г.Г. Слышкина, «прецедентным текст становится лишь в процессе коммуникации, когда носителю концепта удастся добиться того, чтобы текст был включен в систему ценностей какой-либо группы» [45, с. 39].

Две ассоциативные пары: *вальс – бостон* и *вальс – осенний сон* могут интерпретироваться двояко. С одной стороны, респонденты, давшие такие ответы (для реакции *бостон* частотность равна 12; для реакции *осенний сон* - 3), возможно, имели в виду лишь названия вальсов. Но с другой стороны, в репертуаре популярного певца-барда Александра Розенбаума есть хит – «*Вальс бостон*», в котором есть и слова «осенний сон». Чтобы уточнить ситуацию, мы просмотрели и словарную статью обратного словаря ассоциативного словаря с заголовочным словом **Розенбаум**, в которой встречается слово **бостон**, следовательно, общеизвестность этого текста позволяет включить его в разряд «потенциально прецедентных».

Что касается ассоциатов *вальс – Наташа Ростова, Н. Ростовой*, то тут налицо «опосредованная» ассоциация с именовани*ем «первый бал Наташи Ростовой»*, которое вполне может быть причислено к прецедентным текстам.

То же самое можно сказать и о паре *вальс - школьный*. «*Школьный вальс*» – популярная в 50-60-х годах песня на музыку И. Дунаевского. Некоторые слова этой песни стали прецедентными текстами:

- *«учительница первая моя»*;
- *«давно, друзья веселые, простились мы со школою»*.

Вальс - Амурские волны и *вальс – Штрауса* – названия популярных вальсов, и их можно отнести к разряду общего культурного фонда русской языковой личности.

В ходе эксперимента нами выявлены цепочки ассоциаций от реакции к стимулу, что позволило определить смыслы, интенции, коммуникативные ситуации, которые явились стимулами для активизации в памяти данных прецедентных текстов.

Отелло – *мавр, ревнивец, горячий, убил Дездемону*;

Плюшкин – *скряга, экономный, жадный, скупой*;

Баба-Яга – *метла, ведьма, злодейка, метелка, изба, волшебница, злая, в трубу, костяная, коварный, мучительница, волшебница, фея*.

В ассоциативном поле имени Отелло, которое само по себе является прецедентным текстом, содержатся ассоциаты, отражающие различные аспекты прецедентности – внутритекстовые (название, отдельные отрывки, имена персонажей) и внетекстовые (отношение к герою) [45, с. 64].

Следующее ассоциативное поле являет собой пример раскрытия в ассоциативных парах содержательного (смыслового) наполнения культурного концепта *Плюшкин*. Основными элементами смысла здесь являются представления носителя русского языка о главной черте характера гоголевского персонажа, носящего эту фамилию: патологическая жадность, скупость, страсть к бессмысленному накопительству, что и позволяет использовать это прецедентное имя для именован*ия человека, обладающего названными свойствами натуры*.

Следующий пример – словарная статья реакции *Баба-Яга* на различные слова-стимулы. Снова рассмотрим это ассоциативное поле, анализируя последовательно ассоциативные пары.

Больше всего респондентов отреагировали именем персонажа русских сказок – *Баба-Яга* - на слово-стимул *метла* – неременный атрибут Бабы-Яги; к этой же паре следует отнести и менее частотное слово *метелка*, квазисиноним слова *метла*.

Второй ряд ассоциатов представляют слова-стимулы, обозначающие важнейшие черты «натуры» этой сказочной героини: *ведьма, злодейка, злая, коварный, мучительница*. Прецедентность (внутритекстовая) этого имени актуализируется именно тогда, когда говорят о женщине, обладающей названными качествами: *ее и называют Бабой-Ягой*.

Другие ассоциаты являются слотами фреймов типичных ситуаций, в которых живет и действует Баба-Яга:

- *изба* (избушка на курьих ножках);

- в трубу залетает и из нее вылетает Баба-Яга, отправляясь на свои «подвиги»;
- на печи она варит свое «зелье оборотное», наводящее хворь на тех, кто его выпьет.

Кроме того, у нее руки-крюки, костяная нога и горб, что делает ее еще страшнее, и именно поэтому Бабой-Ягой пугают обычно маленьких непослушных детей.

Два слова – *волшебница* и *фея* – кажутся случайно попавшими в ассоциативное поле с заголовочным словом Баба-Яга. Ведь волшебница – это, как правило, женщина, творящая добрые чудеса. И в этом смысле ее синонимом выступает слово *фея*. Все же, думается, что такое ассоциативное соединение произошло на базе компонента значения «волшебство, превращение», на которые действительно способна Баба-Яга.

Таким образом, мы видим, что не все слова рассмотренного нами ассоциативного поля могут самостоятельно использоваться как прецедентные тексты, но они участвуют в формировании концепта прецедентного текста *Баба-Яга*.

Прецедентные имена, составляющие, по выражению Г. Хазагерова, «текстовую персоносферу» (*Обломов, Дон Жуан, Хлестаков, Плюшкин, Отелло, Ромео, Джульетта, Дездемона и др.*), они входят в общекультурный фонд (культурный тезаурус) и определяют «коллективные общие основания» (common ground), обнаруживающие принадлежность к данной эпохе и данной культуре.

2.5 Способы хранения прецедентных текстов в языковом сознании и варианты их актуализации в дискурсе языковой личности

Для того чтобы найти ответ на вопрос: «В каком виде прецедентные тексты присутствуют в сознании языковой личности», нужно представить себе условия проведения ассоциативного эксперимента, когда на некоторый стимул, респондент реагирует первым пришедшим в голову словом (словосочетанием, предложением). В этой ситуации опросную анкету можно воспринимать как «экзаменатора», который с помощью «подсказок» помогает «вытащить» из вербальной памяти испытуемого те знания, которые вместе образуют национальную текстовую концептосферу, т.е. «фактические сведения, ассоциации, образные представления, ценностные установки, связанные в сознании носителя языка с известными ему текстами» [45, с. 37].

Отметим, что текстовая концептосфера представлена в ассоциативно-вербальной сети языковой личности казахстанца довольно богато, что объясняется тем советским прошлым. Сплошная выборка привела, как мы уже отметили, к образованию весьма хаотичного списка, в котором действительно нашли отражение все отмеченные Г.Г. Слышкиным данные. Дальнейшая обработка и изучение этого списка шли по линии выявления нескольких групп лексических единиц, связанных с текстами. Это, прежде всего, отбор имен авторов и персонажей, составивших «персоносферу» – список прецедентных имен. При этом нами была выявлена

частотность встречаемости этих имен в ответах испытуемых. Представим небольшой комментарий нашего материала.

Прежде всего, рассмотрим те ассоциативные поля, заголовочными словами которых являются имена широко известных писателей, поэтов, художников, которые довольно часто функционируют в повседневном дискурсе казахстанцев как прецедентные. Так как тема нашей диссертации ориентирует на английскую языковую картину, то и в экспериментальную базу мы включили прецедентные имена из английской лингвокультуры.

Шекспир: *Англия, поэт, сонеты, трагедии, Отелло, Ромео и Джульетта.* Как видим, самой частотной реакцией на имя Шекспир является слово *Англия*. Причем реакции эти зеркальны, т.е. на слово-стимул *Англия* опять-таки самая частотная ассоциация – Шекспир. Значит, в языковом сознании рядовых казахстанцев каноническое представление об Англии связано с именем У. Шекспира. Этот факт подтверждается и другими ассоциатами поля: великий поэт, великий английский поэт.

Следующим стимулом стало имя – Пушкин. Знания, в которых запечатлена личность А.С. Пушкина, обнаруживаются в таких реакциях респондентов, как: *бакенбарды, глаза, кучерявый, 19 век, в Царском селе, на юге, дуэль, убит, памятник, веселый, живой, умный.*

К последним трем оценочным ассоциатам примыкают и слова *гений, талант, прекрасно, с нами*; а также нетипичная, но тоже имеющая, вероятно, право на существование единичная реакция – *терпеть не могу*.

В паре **Пушкин – мой** запечатлено либо глубоко личностное восприятие Пушкина респондентом, либо название повести М. Цветаевой – «Мой Пушкин». Упоминания названий произведений и имен персонажей не так уж многочисленны в этом ассоциативном поле: *Годунов, К. Керн, Медный всадник, сказка, Онегин, Годунов, царь Салтан.*

В ассоциативной паре **Пушкин – я что ли**, на наш взгляд, «закодировано» переносное использование этого прецедентного имени в обыденном дискурсе, когда говорящий хочет подчеркнуть ответственность другого лица за какое-то дело.

Обычно такая интенция выражается словами: «*Кто за тебя это сделает (будет уроки делать; посуду помоем и т.п.), Пушкин что ли?*».

Если обратиться к словарным статьям 2 тома Русского ассоциативного словаря (от реакции к стимулу), то в нем представлены следующие реакции: **ПУШКИН** – поэт; дуэль; памятник; стихотворение; поэма; Лермонтов; выстрел и т.д.

Анализ приведенной словарной статьи позволяет нам сделать вывод, что Пушкин – прецедентное имя, знание о нем, его творчестве, героях его произведений, фактах его биографии, его окружении, связанных с его именем памятных местах, о его роли в русской культуре, занимает заметное место в повседневном дискурсе наших современников. Причем речь идет именно о повседневном, ординарном, не специально филологическом дискурсе.

Если продолжить анализ «персоносферы», составляющей значительную часть внутреннего лексикона носителя русского языка, то среди наиболее широко

представленных имен можно назвать такие, как: Достоевский, Толстой, Гоголь, Тургенев, Некрасов, Чехов, Маяковский, Горький, Булгаков, а из английских – Шекспир, Льюис Керролл, Маргарет Тетчер.

Однако не только хрестоматийные имена писателей могут стать прецедентными. Как мы уже отмечали, в «персоносферу» входят также имена исторических деятелей, популярных артистов театра, кино и эстрады, композиторов, художников, ученых. Причем это могут быть и имена, вошедшие в историю, и имена наших современников, которые «на слуху».

2.5.1 Лингвокультурные особенности английских прецедентных феноменов

Любой прецедентный феномен фиксируют ценности той или иной культуры, в силу чего его интерпретация осуществляется нами с учетом параметров культурной среды.

Прецедентные феномены представляют собой вербальные единицы, характеризующиеся наличием ассоциативного потенциала, который относится к когнитивным структурам человека. Объем ассоциаций, вызываемых тем или иным прецедентным феноменом представляет структурное единство, представленное в виде концептов с ядерной и периферийной зоной. Так, по мнению В.В. Красных, ядро прецедентного имени составляют дифференциальные признаки (например: внешность, характер или знания), а периферию определяют атрибуты (например, некоторые детали одежды или внешности, по которым можно «опознать» прецедентное имя) [71, с. 125]. Местоположение признака носит условный характер: со временем ядерные признаки могут отходить на периферию, а затем и вовсе «отпадать», т.е. они перестают ассоциироваться именно с этим прецедентным феноменом, имеет место и обратный процесс.

В конкретных вербализациях актуализируются не все знания и представления о том или ином прецедентном феномене, а лишь те, которые релевантны для данной ситуации, что подтверждается контекстом.

Специфика наличия того или иного признака в структуре концепта определяется культурой сообщества. По мнению ученых, структура концепта определяется следующими составляющими:

- содержание;
- объективное окружение;
- условия употребления в дискурсе;
- субъективные ассоциации [71, с. 125 – 126].

Следовательно, первые три составляющих обусловлены культурой и ею контролируются, что обеспечивает общность знаний: и представлений и возможность взаимопонимания, и лишь последний компонент выражает степень творчества индивида.

В результате исследования прецедентный феномен английского лингвокультурного сообщества удалось выявить как национальные, так и транснациональные ПФ.

Под **национальным** прецедентным феноменом понимаются известные всем представителям национального лингвокультурного сообщества, постоянно употребляемые в речи, имеющие национально детерминированный инвариант восприятия.

Под **транснациональными** прецедентным феноменом понимаются феномены известные представителям национальных культур, которые обладают энциклопедическими знаниями, включая также знания о других лингвокультурах, при этом национальный компонент инварианта восприятия минимизирован.

Транснациональные ПФ употребляются в речи и имеют общие для нескольких (в нашем случае английской и русской) лингвокультурных общностей инвариант восприятия. Прецедентные феномены могут признаваться транснациональными лишь в случае полного совпадения содержательной структуры концепта, стоящего за тем или иным прецедентным феноменом в обеих культурах. Анализ практического материала показал наличие как национальных, так и транснациональных прецедентных имен собственных в английском дискурсе.

2.5.2 Парадигма национальных прецедентных феноменов английской лингвокультуры

Среди национальных прецедентных феноменов нами выявлены прецедентные феномены, относящиеся к таким семантическим группам:

- античная мифология (в данной группе выделены, подгруппы боги; герои; исторические личности);
- религия (с подгруппами суеверия; христианство; другие религии);
- топонимы (подгруппы: учреждения, улицы, районы, города, страны, достопримечательности, реки);
- культурная жизнь (с подгруппами: игры, праздники, здоровье, профессия, мода, торговая марка, транспорт);
- литературные произведения (выделены подгруппы; фольклор, поэзия, проза, литературные издания);
- произведения других видов искусства (включает подгруппы: живопись, кино, танец, музыка, скульптура);
- история и политика (содержит подгруппы стиль, исторические деятели, организации, политическая ситуация, битва, вооружение);
- язык (выделены подгруппы фразеологизмы, пословицы, поговорки);
- мир природы (включает подгруппу животные и птицы).

Так, в высказывании «By this time, by the way, and as I should have said before, I had still further enlarged my staff by one art director of the most flamboyant and erratic character, a genius of sorts, volatile, restless, emotional, colorful, a veritable **Verlaine-**

Baudelaire-Rops soul; who, not content to arrange and decorate the magazine each month, must need wish to write, paint, compose verse and music and stage plays, as well as move in an upper social world, entree to which was his by birth» [72, p.46] используется прецедентные феномены «Verlaine-Baudelaire-Rops soul», который принадлежит английскому лингвокультурному сообществу. Данный феномен состоит из трех составляющих, со следующими определениями:

- «Verlaine Paul (1844-96) a French poet whose works include *Romances sans paroles* and who is known for his relationship with the poet Arthur Rimbaud» [74];
- «Верлен Поль франц. поэт-символист. Ввел в лирическую поэзию сложный мир чувств и переживаний, придал стиху тонкую музыкальность» [74, с. 210];
- «Бодлер Шарль (1821-67), франц. поэт. Участник революции 1848 г. Предшественник франц. символизма. В сборнике «Цветы зла» (1857) ненависть к буржуазному миру, анархии, бунтарство, тоска по гармонии сочетаются с признанием неодолимости зла, эстетизацией пороков большого города» [74, с. 151];
- «Ропс Фелисьен (1833-98), бельгийский живописец и график. В жанровых и сатирических сценах сочетал реалистических искания с мистико-эротическими тенденциями» [74, с. 1137].

Иными словами, английский ПФ «Verlaine-Baudelaire-Rops soul» характеризуется наличием следующих дифференциальных признаков: символист, творческая разносторонне развитая личность, тонкий вкус, бунтарство, стремление к гармонии, эмоциональность, эстетизм. Указанные дифференциальные признаки актуализируются при упоминании ПФ «Verlaine-Baudelaire-Rops soul» и качественно увеличивают объем значений за счет повторения того же содержания другими лексическими средствами: «Who not content to arrange and decorate the magazine each month, must need wish to write, paint, compose verse and music and stage plays».

Национальные маркеры ПФ «Lothario» проявляются в следующем контексте «Yet now a little fearsome, if vain and contemptuous, for the situation was beginning to take on a gloomy look. But just the same when Johnny Martin, one of his companions and another aspirant for street corner and Lothario honors, remarked: «I saw her here last night looking for you, Ed. Better look out...» [72, p. 85]. Прецедентное имя **Lothario** имеет следующую словарную дефиницию: «Lothario - lit. or derog. A man whose main interest is having as many female lovers as possible without having a serious relationship with any of them (a known lothario)» [73, p.786]; «Lothario - a man who obsessively seduces and deceives women (after a young seducer in Nicolas Rowe's play «The Fair Penitent» (1703))» [74].

Содержание концепта, стоящего за прецедентным именем «Lothario», можно представить следующим образом: lover, rake, profligate, Don Juan, Romeo, Casanova, seducer, debauchee, debaucher, lecher, libertine, philanderer, sensualist, womanizer, sheik, lady-killer, skirt-chaser, (slang): wolf rip, lover-boy, swinger, a young seducer in Nicolas Rowe's play «The Fair Penitent».

В указанном высказывании актуализируется такой признак, как «покоритель женских сердец», «молодой повеса».

Анализ семантических групп национально маркированных прецедентных феноменов показывает, что их источниками могут служить:

1) античная мифология.

Прецедентные феномены, заимствованные из мифологии носят транснациональный характер в силу общности знаний и представлений о них в разных лингвокультурных сообществах.

Данная группа подразделяется на следующие смысловые подгруппы:

а) боги (*Hera, Cyprian*). Так, прецедентное имя Гера относится к национальным в контексте «Her eyes, large and liquid, were the eyes of **Hera** and her smile was affectionate and gracious» [76, p.223], т.к. получает следующий комментарий: Hera in Greek mythology, sister and wife of Zeus, queen of the gods. Classical worship of Hera had probably absorbed the cult of a primitive cow-goddess, whence was derived her epithet «the ox-eyed» [76, p.391].

В других культурах представление богини Геры в виде коровы не распространено.

б) мифические существа. В данную подгруппу входит прецедентное имя **Corybantic**, актуализирующееся в следующем высказывании: «And then the lure of summer night – Corybantic – dithyrambic- with kisses, kisses, kisses- under the shadow of the trees in King Lake, or in one of the little boats of its lake which nosed the roots of those same trees on the shore» [72, p.80]. Указанное прецедентное имя получает словарное толкование «Coribant 1). class, myth, any of the spirits or secondary divinities attending Gybele with wild, music and dancing; 2) an ancient Phrygian priest of Cybele» [75, p. 456]. Данное определение свойственно английской культуре.

в) исторические личности. Данная подгруппа представлена прецедентным феноменом *Baucis and Philemon* (He turned up ruddy, plump, well-kept, full of jokes, and immensely agreeable, every two or three months, with a pocket that seemed perpetually full, and like the Jovian pitcher of milk of **Baucis and Philemon**, perpetually replenished, in some miraculous way, with big fat savory cigars, which he was always hanging out to people» [77, p. 309].

Имеется в виду античная легенда о Филемоне и Бавкиде, обработанная в «Метаморфозах» римским поэтом Овидием (43 г. до н.э. 17 г. н.э.). Они отличались примерной супружеской жизнью, добротой и радушием к странникам, за что Юпитер и подарил им кувшин, в котором никогда не иссякало молоко»), *Praxilites, Marsyas, Orpheus, Theocritus, Roman emperor*.

В контексте «I had at that time already begun to read books and have notions of my own and the bold path that led over the top of his head was, I fancied, something like a broad road, such a road as **Caesar** might have made on which to lead his legions out of Rome and into the wonders of an unknown world» [78, p.129-130] описывается прецедентная ситуация, основанная на античной истории, и употребляется прецедентное имя «Caesar». Данное прецедентное имя имеет следующее словарное толкование: «Caesar Julius (100-44 BC) a Roman political leader, general and historian. Most people think of Julius Caesar as a dictator who was killed by his friend Brutus and whose story is told in Shakespeare's play Julius Caesar» [73, p. 166]. Прецедентная

ситуация, связанная с указанным прецедентным именем, заключается в том, что римляне захватили Британию в V веке н.э. и в целях упрощения контроля территории построили там разветвленную систему дорог, схожую с той, что существовала в Римской империи. Именно эта ситуация легла в основу метафорического переноса значения с дорог, а точнее их качества (прямые, ровные), на лысый участок головы персонажа (the bold path that led over the top of his head).

Указанные ПФ имеют широкое распространение в английском лингвокультурном сообществе вследствие большого влияния античной философии и мифологии на английскую культуру.

2) религия:

а) суеверия, например, Jar A: man who first crosses the threshold: В контексте... whatever their lighter superstitions, have always thought Friday lucky. Otherwise they would have talked about **Bad Friday** instead of **Good Friday**» используется национальный ПФ «Good Friday». Данный ПФ имеет следующее толкование: «Good Friday (in the Christian; religion) the Friday before Easter» [73, p.565]; «on Good- Friday Christians remember the death; of Christ on the cross» [73, p.403].

Другими словами, «Good Friday» – Великая пятница на страстной неделе, религиозный праздник. В указанной вербализации обыгрывается противопоставление «Good Friday» и «Bad Friday». Последний феномен подразумевает актуализацию когнитивных структур, стоящих за ПФ «пятница тринадцатое», т.е. символ неудачи, неблагоприятный день, когда «все падает из рук». Персонаж данного отрывка приходит к заключению, что раз в Библии пятница называется Великой (good), то она не может одновременно олицетворять неудачу, а, следовательно, ПФ «пятница тринадцатое» не может основываться на религии и иметь какое-либо религиозное объяснение.

Суеверия представляют собой знания, оставшиеся от языческих времен, несмотря на современную религиозную доктрину. Данные знания и представления, чаще всего, носят национально-этнический характер.

б) христианство:

- Библия. Данная подгруппа представлена такими прецедентными феноменами, как the race was to the swift (например, One must go on and upward constantly, **the race was to the swift**. The pace was even faster and the road more steep [77, p. 317]), Holy Grail (например, The sky had still the pallor of dawn, and there was a ghostly silence on the lagoon. Ten mile's away the island of Murea, like some high fastness of the **Holy Grail** guarded its mystery [76, p. 173].

ПФ The Holy Grail получает следующую интерпретацию cup used by Christ at Last Supper [79, p. 315].

- церковь – Preparedness в контексте «a neat man with greyish side-whiskers, a placid mouth, benevolent spectacles perched on the tip of his nose, and the general air of a clergyman opposed to **Preparedness** humane grounds» [80, p. 106] присутствует ПФ Preparedness, который вне контекста определяется как «(the state of) being ready for something» [73, p. 1054].

В рамках данного высказывания (под влиянием слова *clergyman*) этот прецедентный феномен приобретает церковно-религиозную окраску, т.е. *Preparedness* «связано с запугиванием верующих картиной страшного суда, ожидающего их в загробной жизни, отсюда необходимость постоянной готовности к смерти»), *amen comer, bishop of canonicals, ferocity of the apostle, saint in the calendar, determinists, Mihaelmas quarter*. В силу наличия разных религий и религиозных течений в христианстве, понятия ассоциирующиеся с церковными делами отличаются у разных народов.

в) другие религии:

Данная подгруппа включает ПФ *goddess of Polynesian spring* (например, в высказывании *She was like a goddess of the Polynesian spring* [76, p.199]), *Juggernaut* (в контексте «*He was going fast too, silent, with the delicate swiftness of an apparition, the implacable undeviation of Juggernaut or Fate*» [81, p.303] указанный ПФ определяется как «*Juggernaut 1. (often I.e.) any large, overpowering, destructive force or object, as war, a giant battleship, or a powerful football team 2. (often I.e.) anything requiring blind devotion or cruel sacrifice 3. Also called Jagannath, an idol of Krishna, at Puri in Orissa, India, annually drawn on an enormous cart under whose wheels devotees are said to have thrown themselves to be crushed*» [75, p. 1036].

Знания и представления о восточных религиях имеют большее распространение в английском лингвокультурном сообществе как следствие колониальной политики и большего опыта общения с представителями данных религий, чем, например, в русском лингвокультурном сообществе.

3) топонимы:

а) учреждения (*Broadmoor*), например, в высказывании *Well, his goose is cooked good and proper. Mental, I expect, Broadmoor, not hanging* [82, p.126]. Указанный прецедентный феномен получает следующую словарную дефиницию: *Broadmoor* – a special hospital in Britain for criminals who are considered to be very dangerous because they are mentally [73, p. 147], *Somerset House, Limehouse, Royal College of Physicians, Molyneux's, Pall Mall, White's, Brook's, Laridge's, Liberty's, Stafford house, Lord and Taylor* (например, в контексте *Lord and Taylor pants and transparent nighties aren't bought with just wishing* [83, p. 412]. *Lord and Taylor* – один из самых известных магазинов в Нью-Йорке, славится своими отделами готового платья).

Очевидным представляется тот факт, что названия учреждений: имеют национальный характер и не заимствуются из других языков и культур, и лишь в редких случаях они переходят в транснациональные, обозначая при этом довольно крупные и влиятельные учреждения (правительственные или транснациональные корпорации).

б) улицы (*Fifth Avenue, Eleventh Avenue*), например: «*His dreams were so simple, his wants so few. He lived with his sister somewhere in Eleventh Avenue downtown in a tenement, and carried home bundles of firewood to her at night all this great distance, to help out*» [72, p. 29], *Eighth Avenue* (например, *lived in a small hall-bedroom-somewhere*

– **Eighth Avenue**), West End Avenue (например, It was because «**West End Avenue**» was writ across my face as if left there by a customs officer's chalked scrawl [84, p. 328].

Аналогично, названия улиц, как правило, национальны. В конкретных вербализациях они актуализируют признаки «социальный статус», «престижность/не престижность», «мода», «финансовое положение», «благосостояние», «успешность/не успешность».

в) районы (*Westminster, Montagu Mansions, Knights bridge, May fair, Warwickshire, Quorn, Yorkshire, Cockney*).

Названия районов актуализируют ту же информацию о людях, которые там проживают, отдыхают или работают, что и названия улиц. Названия районов или областей, как правило, актуализируют подобную информацию лишь у представителей одного лингвокультурного сообщества и остаются непонятными носителям другого языка, не имеющим соответствующих знаний и представлений.

г) города, страны (*Newport, South Sea Island, Timbuctoo, Eastborne, St. Laurent de Maroni, Goodwood, Cowes, Stoke-under-Ham*).

Так, вербализация «Lights, sound, swift feverish pleasure... First the flood came slowly, then full tide- furs richer than **in Russia**, silks than **in Orient**, jewels than **Paris**, faces and eyes and bodies the desire of the world- then the rapid ebb, and the street-walkers» [80, p. 107] содержит национальные ПФ, связанные с географическими названиями: Russia, Orient, Paris. Указанные прецедентные феномены, скорее всего, стоят ближе к стереотипам, т.к. они потеряли связь с ситуациями-источниками и осмысливаются отдельно от них. Так, ПФ «*Russia*» используется: лишь в одном значении «страна, славящаяся своими мехами», все остальные элементы структуры значения отбрасываются как несущественные, неактуальные. Аналогично дело обстоит с ПФ «*Orient*» и «*Paris*». В данной вербализации весь объем значений не актуализируется, релевантными оказываются такие элементы, как «часть света, славящаяся шелками» («*Orient*») и «город, где самые лучшие драгоценности» («*Paris*»).

Соответственно прецедентные феномены, обозначающие города или страны, актуализируют стереотипную информацию о тех или иных городах/странах, которая принята в данном лингвокультурном сообществе и может существенным образом отличаться от знаний и представлений актуализируемых теми же прецедентных феноменов у представителей других культур. Так, прецедентный феномен «*Russia*» ассоциируется в английском сознании с мехами, «*Paris*» – с драгоценностями, «*Orient*» - с благовониями.

д) отношение к народу (John Smith of Clapham, infuriated Frenchman, Smith or Brown).

е) достопримечательности (*Montserrat of the Pacific*), например, With its jagged outline it is like a **Montserrat** of the Pacific [79, p. 174].

ж) реки – *Cherwell*.

4) культурная жизнь:

а) игры -Horse Shoe Game, в контексте «Jesus how that nigger can **pitch shoes**» [85, p. 40].

Прецедентный феномен *Pitch shoes* определяется следующим образом: бросать подковы (в игре под названием Horse Shoe Game), Parcheesi, Twenty questions, penny deep, weight of a pig, shying at coconuts, the crystal gazer; Up, Jenkins; **to sit on Authors** (например, «Yuh, I believe he's known to sit on Authors». Ветке growled [86, p. 168]

Прецедентный феномен имеет значение «играть в карты», причем, рисунки на этих особых картах изображают действующих лиц из произведений различных авторов, характеризуется наличием культурной окраски.

б) праздники – *Thanksgiving* (в контексте ... and sure thing I don't feel like spending my little **Thanksgiving** on a Greyhound bus bumping back and forth to Norfolk).

в) здоровье (**3-A**), в высказывании «In that way they eventually found out the facts about each other: that he was married, two kids, **3-A**, lived in Jackson Heights, had a Chewie» [87, p. 435]. Прецедентный феномен получает толкование: «3-A - здоровье и телосложение нормальное. В США годность к службе в армии классифицируются по категориям, начиная с **1-A** до 4-F»; аналогично в высказывании When I got that job this spring I was supposed to be an A-1 man. But I wasn't [88, p. 512].

г) мода:

- кухонная утварь. Подгруппа включает ПФ Dresden china, Georgian silver, Worcester cups, (в вербализации Now her eyes fell on the tea-table with its teapot of **Georgian silver** and its cups in **old Worcester** [76, p.321].
- ПФ получают следующее толкование: Georgian, made during the reign of any one of the four Georges, kings of England, cups in old Worcester, cups made of old Worcester china, which is noted for its high quality (Worcester is a town in the West Midlands, where chinaware is made.) [76, p. 402].
- одежда - horn-rimmed spectacles, heavy overshoes called arctics, Stetson hat, Sulka tie, B.V.D.'s;
- прически. Bardotesque handle, school-marmish ban;

д) торговая марка. Monsieur Coty, Crest, Lebanon balony, Kool-Aid, Brunswick stew; Cherry Jello, like pot legs, Post Toasiies, shoo-fly pie, Armor's can.

е) транспорт. Underground Railroad (например, Now he began to hear the first: rum blings of that train running underground- that train that's **the Underground Railroad**) [89, p. 338]. Данный прецедентный феномен принадлежит американскому культурному пространству и определяется как: «*The Underground Railway*» – так называемая «Подпольная дорога» (система тайных убежищ), по которой негры-рабы с помощью аболиционистов переправлялись из южных штатов в северные, а также Канаду. Указанный прецедентный феномен актуализирует ситуацию во времена работорговли в южных штатах США, *Chevy (Chevrolet), freight car*, например: big box that was painted red like a **freight car** and had a big iron wheel on the top [90, p. 69].

Прецедентный феномен *Freight car* определяется как a ship or aircraft for carrying goods [73, p. 517], Greyhound leave boat.

Смысловая группа «культурная жизнь» имеет достаточно большой удельный вес в художественном пространстве текста. Практически все входящие в нее ПФ

носят национальный характер, что говорит о своеобразии таких видов деятельности, как игра, праздники, индустрии моды.

5) литературные произведения:

а) фольклор, сказки.

В эту подгруппу нами отнесены прецедентные феномены – *Davy Jones's locker*, в высказывании *could be extinguished, scuttled, sent down without a ripple to that limbo of seafaring: men, the redoubtable Davy Jones's locker* [72, p. 36 – 37].

Прецедентный феномен *Davy Jones's locker* определяется как «in humor the bottom of the sea, esp. as a place where people lie dead» [73, p. 325], *Davy Jones* - the personification of the sea, [75, p. 509], giant (например, *Who says there are no longer giant on the earth in these frays?* [77, p. 311], tar baby (например, «Well, I can't go looking like the **Tarbaby**. You will have to stop at home and let me change my clothes»).

Прецедентный феномен получает такую дефиницию, как «*Tarbaby* – something which sticks to or weights down a person and is very difficult to remove (from the doll covered in tar in one of the stories about Brer Rabbit by I.C. Harris)» [77, p. 1353]. *Rybaiyt, elf, sylth, dragon*, например, *What was curious was that the old dragon, Lutkins's mother was there talking to him, and they were not quarreling but laughing* [86, p. 171].

б) поэзия, например, «*Satan finds, some mischief still for...*», *glory that was: Greece, and Rome; four-and-twenty like the blackbirds in the pie.*

в) проза.

Подгруппы:

– автор, например, *Verlain-Baudelaire-Rops, Johnson, Rabelais and Moliere*:

(*There were drinking bouts, absolute drunkenness, in which, according to the **Johnsonian tradition** and that of Messieurs Rabela is and Moliere. The weary intellect and one's guiding genius were immersed in a comforting Lethe of rye* [Dreiser 1960: 60]), *Bierce* (*It was like a story by Bierce where the ghost of a man pops out of the air to take up his lonely post on a dark country road* [88, p. 497]. *A story by Bierce* – рассказ американского писателя Амброза Бирса (1842- 1914), автора «страшных» рассказов в стиле Эдгара По), *Culbertson and Sims, Goether* (to hang *Goether* for quarreling with *Weimar*), *Schiller* (bearded *Schiller*), *Shelley* (and content to be a clod in looks so long as he was a **Shelley** in brains» [72, p. 61], *Abelard and Heloise* (*A lover might use it as a code, he said, almost under his breath. «Abelard singing his letters to Heloise»* [91, p. 107]. *Abelard, Pierre* (Peter *Abelard*) 1079-1142, French scholastic philosopher, teacher and theologian. His love affair with *Heloise* is one of the famous romances in history [75, p. 4].

– персонаж, например, *Lothario, Lorelei* (a Rhine maiden of the blonde German **Lorelei type** [72, p. 98]. *Lorelei* - a quasilegendary nymph of the Rhine who lured sailors to shipwreck on her rock by singing: a creation of Clemens Brentano in a poem of 1800 [75, p. 1136]), *Ritter, Sir Galahad* (*We drank our Tom-and - Jerries with the solemn righteousness of a: Convention of **Galahads*** [80, p. 102] a man: who behaves in a very polite way (from the story of the «Most Virtuous of King Arthur's knights of the Round Table, who regained the Holy Grail») [73, p. 532], lady Bountiful (*Darling tome to share*

my cigarettes with men on their way back to trenches. Little **Lady Bountiful**. The prize sow [84, p. 329] «Lady Bountiful – дама, занимающаяся благотворительностью, действующее лицо комедии «Проделки двух франтов» ирландского драматурга Джорджа Фаркухара (George Farquhar, 1678-1707), ее имя стало употребляться как нарицательное для обозначения щедрого человека), Andy Gump (Funny how when you could remember every mole on President Roosevelt's face and see **Andy Gump** clear as if he had ever breathed, still you couldn't call up a face you had spent your whole life with. Andy Gump – персонаж комиксов Паса Эдисона), Cophetua, Benedick, lady Godiva, Mr. Ripley, Humpty Dumpty; Arsene Lupen.

– ситуация – *Not all perfumes of Arabia*: smelt so sweet (Not all the perfumes of Arabia smelt so sweet, a jocular periphrasis of the words of Lady Macbeth in Shakespeare's play *Macbeth* (Act v, Sc. i, 55-56): ... all the perfumes of Arabia will not sweeten this little hand... [76, p. 407], *certain wines do not travel* литературные издания.

Эта группа иллюстрируется ПФ Roget's Thesaurus, Western magazines (And these shelves were loaded with little articles, soap and talcum powder, razors and those **Western magazines** ranch men love to read and scoff at and secretly believe [86, p. 20]. Western magazines – низкопробные, дешевые издания для невзыскательного читателя с сенсационными или детективными историями, а также комиксами), collection of Doubleday (the fat faded **collection Doubleday** had printed in the Forties was preserved: a miracle [83, p. 341]. Doubleday – крупное американское издательство, выпускает литературу самого широкого профиля; в т.ч. и словари), the Examiner, Burke's Peerage, Who's Who, Herrard Classics, Scientific American.

Национальные прецедентные феномены основываются на национальной литературе, фольклоре, литературных изданиях, которые носят неповторимый характер, или могут быть не столь широко известны представителям других лингвокультурных сообществ, чтобы стать и там прецедентными.

д) произведения других видов искусства:

– живопись. К данной группе нами отнесены ПФ Burne-Jones (He reminded you of one of the knights of **Burne-Jones** though he was on a larger scale [79, p. 269]), William Morris, Victorian water-colours, picture hat.

– кино, актеры, например, *Ronald Colman* («Ordinarily he was a rather sad-eyed Jew with what Mary called a little muzzy that made him look like an ugly Ronald Colman [O'Hara 1960: 433]), Ginger Rogers (They say I look like Ginger Rogers, she'd say Rogers Ginger (1911) an American film actress and dancer best known as Fred Astaire's partner in 1930s musicals» [73, p. 1130], Clark Gables, Tyron Powers (However since our marriage he has become the ideal man from the romantic point of view. None of your **Tyrone Powers** or **Clark Gables** for me [87, p. 212]. Gable, Clark (1901-1960) an American film actor. He is best known for his role as Rhett Butler in *Gone with the Wind* but also appeared; many other Hollywood films, including *Mutiny of the Bounty* and *The Misfits* [83, p. 531].

– мультфильмы (Scooby Doo).

Смысловые подгруппы «живопись», «кино» актуализируют дифференциальные признаки, связанные с внешностью персонажей или схожестью ситуации.

– танец, например, *apashé turn*.

– музыкальные произведения, например, *streets of Johannesburg paved with gold* (Kirk Pomfret had gone out to South Africa in 1910, expecting to find **the streets of Johannesburg paved with gold**. There was plenty of gold, but there were also plenty of men ahead of him with the same idea, and in the end he bought, site unseen, a farm in Rhodesia. Francisco Villa's song (At the next corner down a group of soldiers, wrapped to their eyes in serapes, sat around a fire chanting the interminable ballad called «**Morning Song to Francisco Villa**». Each singer had to make up a new verse about the exploits of the Great Captain... [80, p. 101]. For he's a jolly good fellow, Auld Lang Syne, London town where the streets were paved with gold, «Sweet Sue», «Let me call you sweetheart».

– скульптура – *sculpture of Victorian statesman*.

– архитектура – *staircase of Bernini in the Piazza di Spagna*.

7) история и политика:

- стиль, *Louis Philippe style*, *Adam chimney-piece* (It was, of course, a peculiarly gracious room, with its high ceiling and **Adam chimney-piece**. Adam Robert (1728-1792) a Scottish architect who drew up plans for many famous houses in England and after whom a style of furniture is named [73, p. 11], *style of Louis XV*, the *Madame du Barry room*;

- исторические деятели, например, *Kennedy*, *Jefferson*, *Washington*, *Paul Jones*, *Grant* (It is **John Paul Jones**: «We have met the enemy and they are ours». It is **Dewey**, on the deck of the Oregon: «You may fire when you are ready Gridley». It is general **Grant** before the works of Petersburg: «I propose to fight it out on this line if it takes all summer» [77, p. 311]), *Custer* (Wearing a pistol on his hip made him feel like a real soldier, seemed to give him an: unbroken lineal connection with the Army of the days of the West and **Custer's Cavalry**, made him feel that he was really in the Army... [92, p. 90]).

Custer – Г.А. Кастер (1839-1876), американский генерал, печально известен преследованиями индейцев.

Custer, General George Armstrong (1839-1876) a US Army officer who first became famous in the American Civil War. He was later killed; with all the men under his command, by Sioux Native Americans, led by Crazy Horse and Sitting Bull, at the Little Bighorn River in Montana in a battle known as Custer's Last Stand [73, p. 314], *Roosevelt's face*, *Queen Ann's lace*, *Crippen*, *Mosieur Marcel*, *Queen Victoria*, *Mr. Coper*.

- организации, например, **Flying Corps** (At that moment Major Norman returned, accompanied by a young officer in the uniform of the Flying Corps [82, p. 102]; The Flying Corps, the aviation corps of the Army, later reorganized into the Royal Air Force), *Oxford group*, *Luftwaffe*.

- политическая ситуация – *depression*, *recession*, *New Deal* (Don't talk nonsense, Bracken commented, without rancor. You ain't a failure. No more than me. There's millions of men in the identical situation. It's just **the depression**, or the **recession**, or the

God damn **New Deal**; or...! «He swore and lapsed into silence [88, p. 513]), the days of the West, Liberty bond; Regency.

- вооружение, оружие (Luger, a fighter with red discs, BAR (Browning automatic rifles), Very pistol).

- битвы, например: *Balaklava*. В вербализации: «I should say here that the Idlewild was not a boat at all, but an idea. She evolved out of our position on Long's Point, where the Harlem joins the Hudson, and where stood a shop in which we all worked, water to the south of us, water to the west of us, water to the north of us, and the railroad behind us landward, just like the four- or was it the six hundred- at **Balaklava**. Anyhow, we got our idea from the shop and the water all around...» [Dreiser 1960: 24] прецедентное имя «Balaklava» относится к английскому ментальному культурному пространству. «Balaklava» ассоциируется в сознании носителей английского языка с эпизодом во время Крымской войны (1853-1856), «когда благодаря ошибочному толкованию приказа отряд английской кавалерии в 673 человека бросился в атаку против превосходящих сил русских. Неожиданность атаки принесла успех англичанам, но 247 человек было убито и ранено». В высказывании актуализируется признак окружение, блокада и производные от них «пространственная изоляция, отгороженность, обособленность, оторванность от мира». Они становятся ключевыми в понимании указанного отрывка благодаря контексту («water to the south of us, water to the west of us, water to the north of us, and the railroad behind us landward») и упоминанию признаков соответствующей прецедентной ситуации («just like the four- or was it the six hundred- at Balaklava»). Кроме того, представители английского лингвокультурного сообщества получают дополнительную; информацию, релевантную для осмысления прецедентного имени, из фоновых географических знаний: «Long's Point – Long Island's Point – часть Лонг-Айленда, одного из островов, на которых расположен г. Нью-Йорк, выдается в океан при впадении реки Гарлем в реку Гудзон» [72, p. 56].

Смысловые подгруппы «исторические деятели» и «политическая ситуация» оказываются самыми частотными, что означает – подобные явления хорошо известны носителям языка, они достаточно часто встречаются в речи представителей лингвокультурного сообщества.

8) язык:

- фразеологизмы, например, counting Stonehenge, as mad as hatter, as pleased as Punch, had not an aitch to his name, not sure of his aitches, alive and kicking (She couldn't speak at first but she blinked her eyes and smiled. «Kicking, but not too high, Sammy» [Price 1987:295]. **Kicking but not too high** – аллюзия на фразеологизм alive and kicking - жив и здоров, полон жизни), sleep tight.
- пословицы, поговорки – a saying about being in the bed you've made, must lie in the bed you've made, give me a Roland for my Oliver, a cat can look at a king. Необходимо отметить тот факт, что ПФ, опирающиеся на фразеологизмы и единицы паремиологического фонда английского языка, всегда национальны, культурно детерминированы, не допускают заимствований из других языков.

9) мир природы (bantam rooster), например, I never dirty my hands on my own niggers, Mr. Tuckahue. I only drink with gentlemen, Mr. Tuckahue! The God damn **bantam rooster!** [88, p. 487]. The God damn bantam rooster – проклятый бантамский петух (намек на маленький рост Смоллвуда: бантамы – мелкая порода кур. Bantam- a small kind of farm chicken [72, p. 81]. Rooster – esp. for cock [73, p. 1143]), bulldog, Sealyhams, Buff Orpingtons, grackles.

2.5.3 Транснациональные ПФ английского культурного пространства

К транснациональным английским прецедентным феноменам относятся:

- античная мифология (с подгруппами боги, мифические существа, исторические личности);
- религия (подгруппы: суеверия, христианство);
- топонимы (подгруппы включают учреждения, города, страны, народности, достопримечательности);
- культурная жизнь (подгруппы: игры, здоровье, торговая марка, транспорт);
- литературные произведения (с подгруппами фольклор, проза);
- произведения других видов искусств (подгруппы включают живопись, кино, танец, скульптуру, архитектуру);
- история и политика (с подгруппами стиль, исторические деятели, организации, политическая ситуация, вооружение).

Так, в высказывании «Then there was a smith, a small, wiry man of thirty - five, with arms like a **Titan** and a face that was expressive of a goodly humor, whether it was very brilliant: or not – the village smith, as we used to call him» [72, p. 23] присутствует транснациональное прецедентное имя *Titan*.

Оно относится к английскому ментальному культурному пространству и определяется следующим образом:

а) esp. lit. (sometimes cap.) a person of great strength, importance, size, cleverness, etc. [73, p. 1391];

б) in Classical Mythology, the gods who ruled the universe until the Zeus became the most powerful god [73, p. 1391];

в) Class. Myth.1. a) any of the sons of Uranus and Gaea, including Coeus, Crius, Cronus, Hyperion, Iapetus, and Oceanus b) also Titaness, any of the sisters of these, including Mnemosyne, Phoebe, Rhea, Tethys, Themis, and Thia c) any of the offspring of the children of Uranus and Gaea 2. The Titan- Helios» [75, p. 1988].

Итак, прецедентное имя «*Titan*» восходит к древнегреческой мифологии, где Титаны – сыновья Урана и Геи, боги, поверженные Зевсом; в более поздних мифах Титанов отождествляют с гигантами. Следовательно, появляются такие признаки, как «огромный размер, рост, мощь, сила». Содержание концепта, стоящего за транснациональным прецедентным именем «*Titan*», можно представить следующим образом: person of enormous strength, person of great size, person of great importance,

person of great cleverness, person of great power, (class, myth.) ancient god; son of Uranus and Gaea, Helios.

В данном высказывании актуализируется такой признак как «person of great strength», остальные характеристики прецедентного имени остаются, «в тени»:

- герой маленького роста (small), следовательно, не может соответствовать такому признаку «титана», как огромный рост;
- герой – простой кузнец, т.е. не претендует на то, что бы быть богом;
- по своим умственным способностям он также не гений (face that was expressive of a goodly humor, whether it was very brilliant or not);
- по-своему положению в обществе он не может быть влиятельным, о чем свидетельствует его прозвище (the village smith).

Ключевой характеристикой, указывающей на сходство с титаном, является прилагательное wiry (жилистый, выносливый) и оборот, with arms like a Titan, которое и актуализирует прецедентное имя «Titan» и стоящие за ним ментальные структуры. Упоминание хотя бы одного атрибута или признака прецедентного имени приводит в действие механизм актуализации всего объема знаний и представлений о данном феномене, при этом, одни из них находятся в центре и являются ключевыми для понимания, другие – остаются «невысвеченными», но они незримо присутствуют и также, в какой-то мере, отвечают за восприятие.

К транснациональным нами отнесен ПФ «satyr», например, в контексте «Then there was like... – a small misshapen, dirty-faced lad, whose coat was three, and his trousers four, times; too large for him – hand-me-downs from some mysterious source; immensely larger members of his family, I presume. He had a battered face, such as you sometimes see given to **satyrs** humorously represented in bronze, and his ears were excessively large» [72, p. 23].

Прецедентное имя «satyr» восходит к древнеримской мифологии, что подтверждают данные словарей: «Satyr 1. Class. Myth, one of a class of woodland deities, attendant of Bacchus, represented as part human; part horse, and sometimes part goat and; noted for riotousness and lasciviousness. 2. A lascivious man, lecher 3. A man who has satyriasis» [75, p. 1706].

Содержание концепта, стоящего за прецедентным: именем «satyr» можно представить следующим образом: (class: - myth.) woodland deity, part human, part goat (horse), attendant of Bacchus, riotous, lascivious, a lascivious man, lecher, a man who has satyriasis.

Другими словами, прецедентное имя «satyr» характеризуется наличием таких дифференциальных признаков, как лесное божество, демон из свиты Бахуса, наполовину человек, наполовину козел, шумный, разгульный, сладострастный. Один из ядерных компонентов значения (attendant of Bacchus), в свою очередь, характеризуется наличием таких дифференциальных признаков, как избитый, потрепанный, помятый (о лице) (battered face) вследствие чрезмерного злоупотребления спиртным. Итак, следует заметить, что в конкретной вербализации часто актуализируются не ядерные, а периферийные значения соответствующих ПФ, которые, тем не менее, являются релевантными для понимания всего высказывания.

Аналогичным образом нами выделялись и другие, английские транснациональные ПФ, например,

1) античная мифология:

а) боги, например, Titan, Fate, Neptune, Pan, Apollo;

б) мифические существа, например, *satyr, nymph* (The scent of the tobacco plants was so sweet it was like a presence, like a **naked nymph** following one about. Nymph 1 (in classical mythology) any of the less important goddesses of nature, represented' as young girls living in trees, streams, mountains, etc. 2 lit. a girl or young woman [75, p. 14], Nereid, Oread, fawn, centaur, Maenad.

в) исторические личности, например, *Spartan, Gordius* (Kurelovich listened to it all like a grave, kind father, untying many a **Gordian knot** with his new found strength and understanding». Michelangelo («Miss Dietrich was the kind of teacher who brought; the best in her students – but their own best, not anybody else's copied best. For anybody else's best, great though it might be, even **Michelangelo's** wasn't enough to please Miss Dietrich dealing with the creative impulses of young men and women living in an American city in the Middle West, and being American» [93, p. 375]. Attila (Frey for his part was ensuring for himself, like some petty **Attila** the company of ten thousand spirits of men when he himself should pass on to whatever he thought lay beyond the grave. Attila also «Attila the Hun» - king of the Huns (an ancient people from Asia) who attacked and succeeded in confronting part of the Roman Empire. He is usual thought of as a cruel and violent man [73, p. 64]. Amazon (Bill made it seem terrific, and **the Amazon** seemed impressed «one of a fabled tribe of female warriors in South America: 4 (often I.e.) a tall, powerful, aggressive woman» [75, p. 64]. Lucullus (You ought to ask for something more suited to your **Lucullian** instincts [Dreiser 1960: 25]. Lucullan (esp. of banquets, parties, etc.) marked by lavishness and richness; sumptuous.2 of a pertaining to Lucullus or his lifestyle [75, p. 1143]. Pharaoh, Solomon (Old Mister, he lived there like **Pharaoh and Solomon**, mighty splendid and fine. He had his flocks and his herds, his butler and his baker; his fields ran from the river to the woods and back again» [89, p. 332].

Смысловая группа «античная мифология» значительно шире представлена транснациональными ПФ, что обусловлено общностью фонда мифологических знаний и представлений в разных лингвокультурных сообществах.

2) религия:

а) Библия, например, by the sweat of your father's brow (eats quantities of corn and meal bought **by the sweat of your father's brow**, gets diseases called pip, cholera, and other names, stands; looking with stupid eyes: at the sun, becomes sick and dies» [Anderson 1960: 128] the tree of knowledge of good and evil (It is intended to be read by the gods who **have just eaten of the tree of the knowledge of good and evil** prodigal son [77, p. 307]. Magic Canaan (gazed: dreamily into unknown vistas **of magic Canaan** [77, p. 312] Israel's children (He stand on the bank in the dark and see the boat pull away, I like **Israel's children**. Then he hear the shouts and the shot» [89, p. 340]. Paradise (I reckon after hesits hungry and thirsty, for a couple days, he 'll come back here and think **it's Paradise** [88, p. 474]. Jesus asked him what is thy name and he said Legion, Wise men

(and him and me counted on being **Wise Men** with Roto if he comes home. St. Peter, thirty pieces of silver, Dalilah and Samson, kiss of Judas.

Например: в высказывании «But Jim just grinned at him; and in a moment said: «I guess we'll have to sleep you out in the garage. Bob Merrit is in town, you, you- or if you like, there's a nice room at Mrs. Parker's across the street, and she'll be glad to have you. Joe looked rather uncomfortable at the mention of Mrs. Parker's name...Kate saw his expression and laughed, poking him in the ribs with her big finger: «Ho, ho, ho, ho, hoi You see what you're in for, don't you? The prodigal son comes home and we give him his choice of Mrs. Parker or the garage! Now is that life, or not?» [77, p. 307] используется ПФ «prodigal son». ПФ «prodigal son» определяется следующим образом: «a figure in a parable of Jesus a wayward son who squanders his inheritance but returns home to find that his father forgives him» [75, p. 1544] (often humor), a person who leads a life of careless wasteful spending and perhaps immoral pleasure» [73, p. 1049].

Иными словами, ПФ «prodigal son» имеет такие дифференциальные признаки:

- «человек, ведущий праздный (расточительный) образ жизни»;
- «человек (родственник), вернувшийся домой из дальней поездки»;
- «человек, приехавший после долгого отсутствия»;
- «человек, получивший прощение»;
- «человек, раскаявшийся в своем поведении».

В указанном высказывании актуализируется признак «родственник, вернувшийся, домой после долгого отсутствия». Необходимо отметить ироническое употребление данного ПФ, как и большинства других прецедентных феноменов.

б) церковь, например, pope of Rome (The vergers of St. Peter's, like **the popes of Rome**, were there for life [76, p. 311]. Providence

в) суеверия, например, breaking a mirror, to touch wood

г) другие религии (Budda, follower of the warrior Mohammed).

Например, в высказывании: «The air tightened as Kurelovitch loomed there, this sad proletarian hero, stooped and gaunt with his many cares: Finger-deep hollows were on his, cheeks, and, with his blazing eyes and strong mouth, he seemed like some ascetic follower of the warrior **Mohammed**» употребляется транснациональное прецедентное имя «Mohammed», имеющее религиозную окраску: «Mohammed = Muhammad (5707-632) an Arab holy man and the originator of Islam, born in Месса, to whom God told many things which are recorded in Koran» [73, p.873]. Следовательно, выражение «ascetic follower of the warrior Mohammed» (последователь Мухамеда) будет иметь такие дифференциальные признаки, как «ascetic», «Muslim», «prays five times a day», «goes to the holy city of Месса», «Arab», «warrior», «terrorist», «member of the organization Islamic Jihad». Актуальными для данной вербализации являются признаки, основанные на внешнем сходстве (stooped, gaunt, finger-deep hollows on his cheeks, blazing eyes, strong mouth) и качествах характера (stubborn, believing in his aim, devoted to the highest ideals).

Библия является самым цитируемым источником в мире, следовательно, прецедентные феномены, основанные на Библейском сюжете, также транснациональны, т.е. характеризуются одинаковым инвариантом восприятия.

Некоторые суеверия также носят транснациональный характер, как «остаточные» знания и представления о когда-то общем языческом прошлом.

3) Топонимы, например, *Broadway* («He stood on the corner of **Broadway** and Forty-second Street [80, p. 1061], *Gypsy* (Of course, most of the things was sent off by train, and we was to follow the car, but there was a lot of luggage all the same, just like **gypsies** we were, all packed in with a kettle and I don't know what else), he was dark Spanish way, Riviera party, Eton, Oxford, Ascot, Cannes, Riviera, Oxford tones, Oriental look, Tower of London, Ritz.

4) литературные произведения:

а) фольклор, сказки. Сюда мы относим ПФ *Jolly Roger* («Here we are, out here on the hounding main or mighty near it. This is as good as any craft, this old shop. Ease the: thing around and hoist the **Jolly Roger**, and I'll sail you up to White Plains» [72, p. 25], *genie* («Hello» said Charley Craddock, appearing like a **genie** from nowhere [94, p.16]. *Scheherazade*, *gnome*, *dwarf*, *Santa Clause* (Mr. Merrit would, «turn up» every two or three months like a benevolent and ruddy **Santa Claus**, making his jolly little jokes, passing: out his fat cigars, putting his arm around people's shoulders - in general, making everyone feel good [77, p. 309]). Так, контекст «I had received from the president of this very organization- a most eager and ambitious and distressing example of that American pseudo-morality which combines a **pirate-like** acquisitiveness with an inward and absolute conviction of righteousness - was that while he wanted something new in fiction, something more virile and life-like than that «Mush» [72, p. 45] содержит прецедентный феномен «*pirate-like acquisitiveness*». Данный ПФ актуализирует представления о персонажах приключенческих романов и кинофильмов – пиратах. Этот ПФ имеет следующее: словарное толкование «*Pirate* (esp. formerly) a person who sails the seas stopping and robbing ships at sea. Pirates speak roughly, drink a lot, esp. rum and have a parrot on their shoulder. They sometimes wear a black patch over one eye and have a wooden leg. They also use phrases which; are connected esp. with pirates e.g. «shiver me timbers» (used; as, a phrase showing great surprise)» [73, p. 999]. Сравнение американцев с пиратами приписывает им пиратское корыстолюбие и стремление к наживе, что, в целом, носит негативный характер. Кроме этого, уподобление пиратам предполагает использование пиратских методов, т.е. разбоя, грабительства.

б) проза: автор, например, *Shakespeare*, *Dante*, *Honore de Balzac* (There were clerks and shop girls old fellows who might have stepped out of the pages of **Honore de Balzac** [79, p. 46].

в) персонаж, данная подгруппа представлена ПФ *Tom Sawyer* (I'm not **Tom Sawyer**-I wasn't looking for anybody to paint the fence, Watson, Pantaloon, Romeo (he had passion of **Romeo** in the body of Toby Belch), Iago, Desdemona, Falstajf, Sherlock Holmes, Paolo Malatesta.

В высказывании «Over his head a nine-foot kitten played with a monstrous spool of red thread. A gigantic eagle slowly flapped its wings. Gargantuan tooth-brushes appeared like solemn portents in the sky» [80, p. 106] наличествует ПФ, который восходит к литературному персонажу Gargantua. Данный ПФ определяется как: «an amiable giant and king, noted for his enormous capacity for food and; drink; in Rabelais

Gargantua and Pantagruel [75, p. 788]. Производное от него прилагательное имеет следующее определение: Gargantuan – gigantic, enormous, colossal [75, p. 788]. Важно отметить, что на настоящий момент ПФ «Gargantuan» начинает «отдаляться» от своего источника и воспринимается, как стереотип, использующийся для обозначения всего большого, гигантского.

Таким образом, дифференциальные признаки ранее находящиеся в ядре представления о данном феномене (литературное произведение – источник), перекочевали на периферию, а атрибуты (внешние признаки) перешли из периферии в ядро.

- название, подгруппа включает ПФ Anthony and Cleopatra, Treasure Island.
- ситуация, например, *Pygmalion and Galatea*. «Obvious, my dear Watson!».

Транснациональные ПФ, относящиеся к смысловой группе «литературные произведения» основываются на мировом литературном фонде и имеют одинаковые инварианты восприятия в разных лингвокультурных сообществах.

5) произведения других видов искусства:

а) живопись. К данной подгруппе нами отнесены следующие ПФ Italian Madonna (she looked like **Italian Madonna**), the creator of Girl before a Mirror and Guernica (There, filling the horizon like Neptune risen, crowned with limeweed, alabaster, coral, paint-brushes clenched like tridents in horn-nailed fists, and with fishtail vast enough to fluke summer showers out over all Gibraltar- who else but **the creator of Girl Before a Mirror and Guernica?** [95, p. 12], pre-Raphaelites, El Greco, fat merchants that Rubens painted, Chardin's Benedicite, Monet.

б) кино, например, American Western films («Stand still! Put your hands on your head!»). Perhaps some unconscious memory of **American Western films** that he had seen long ago, in the days of Weimar Republic, prompted Dexter to give that order, Titanic, Mr. Bean.

в) скульптура, например, the Psyche in Naples.

г) танец, например, Pavlova. В контексте «Yes, but I'm no Pavlova», said Celia as she silenced the radio. «And besides, it's time for a drink» используется прецедентное имя «Pavlova», которое первоначально принадлежало русскому ментальному пространству. Затем, в результате употребления в более широких культурных границах, становится транснациональным: прецедентное имя «Pavlova» определяется следующим образом: «Pavlova, Anna (1885-1931), a Russian Ballet dancer esp. remembered for her dancing of the Dying Swan. She is considered by many to have, been the world's greatest ballet dancer» [73, p. 969]. Другими словами, прецедентное имя «Pavlova» выступает в качестве имени-символа, которое актуализирует дифференциальный признак «хороший танцор (танцовщица)». Т.е. функционируя как имя-символ, прецедентное имя «Pavlova» теряет часть значений (a Russian Ballet dancer, dancing of the Dying Swan) и приобретает более общее значение, чем исходное (the world's greatest ballet dancer - good dancer).

д) история и политика:

- исторические деятели. К данной группе отнесены ПФ Captain Cook,

George Soros, Napoleon (It is **Napoleon** speaking to his troops before the pyramids «Soldiers, forty centuries are looking down at you» [77, p. 311], Lenin, Mrs. Thatcher.

– организации, например, Mafia, Masonic order. В высказывании «One could be high in the Hundred Club or low down in the Hundred Club it had almost as many degrees of honor and of merit as the great **Masonic order**. But of one thing one could be certain: one must belong to the Hundred Club if one wanted to continue to belong to «the Company» [77, p. 316], используется ПФ «Masonic order», основанный на историческом факте. ПФ «Masonic order» имеет следующее толкование: Freemasonry 1. secret or facit brotherhood; fellowship, fundamental bond or. Support; 2) (cap.) the principles and institutions of Freemasons» [75, p. 764].

Прецедентный феномен «Masonic order» характеризуется наличием таких дифференциальных признаков, как «секретное общество», «общие ценности», «поддержка членов», «секретные опознавательные знаки», «разветвленная система», «власть», «высшие слои общества».

Таким образом, в английском художественном дискурсе присутствуют как национальные, так и транснациональные прецедентные феномены. Национальные прецедентные феномены основываются на явлениях культурной жизни, литературы, истории, политике, единицах языка, которые имеют национально-культурную окраску, характерную только для английского лингвокультурного сообщества.

Транснациональные прецедентные базируются на явлениях античной мифологии, мировой классической литературы, религии, которые характеризуются общностью представлений о них в разных культурах, т.е. общностью стоящих за ними энциклопедических знаний.

2.6 Организация и методика проведения эксперимента социопсихолингвистического эксперимента

Общая цель любого научного эксперимента, в том числе психолингвистического, состоит в том, чтобы искусственно вызвать подлежащее изучению явление и, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно познать его (А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева). Вместе с тем экспериментатор обязан осознавать, что изучаемое посредством эксперимента явление лишь в большей или меньшей степени приближается к соответствующему явлению реальной действительности, поскольку имеет искусственное происхождение. Поэтому чем больше степень этого приближения, тем меньше сомнений в объективности данных, полученных в результате эксперимента, тем выше эвристическая ценность теоретических положений, эмпирической базой которых и является эксперимент.

Специфика поставленных автором задач предопределила специальную методику экспериментальной работы, при ее подготовке мы учли теоретические положения и методики уже признанные в психолингвистике и социолингвистике. В частности, учитывалось, что особое влияние на языковую компетентность и глубину понимания текста имеют такие социумные факторы, как возраст, образование, специальность, национальность, место проживания и место рождения (В.Н.

Базылев, И.В. Дьяконова, Т.И. Ерофеева, А.А. Залевская, Л.П. Крысин, Л.В. Сахарный и др.).

Охарактеризуем основные параметры подготовки и проведения экспериментальной работы по определению реального уровня понимания прецедентных феноменов различными информантами:

1. Отбор испытуемых. Значительная часть прецедентных имен восходит к сфере литературы, поэтому в качестве первой экспериментальной группы информантов были использованы студенты экономических специальностей Инновационного Евразийского университета. Мы заранее предположили, что эти студенты хорошо знакомы с художественными прототекстами, поэтому определение имен собственных из текстов литературы не составит им большого труда.

В качестве второй экспериментальной группы информантов были использованы студенты, обучающиеся Павлодарском государственном педагогическом институте по специальности «Русский язык и литература». Тестирование также проводилось со студентами первого и второго (в конце учебного года) курсов, которые еще не в полной мере овладели знаниями, соответствующими государственному стандарту.

Экспериментальная работа со студентами каждого из указанных выше вузов и специальностей была организована в 2014 учебном году.

Для участия в эксперименте было отобрано 200 студентов (по 100 студентов каждой из указанных учебных заведений). Представляется, что такое количество респондентов позволяет получить достаточно объективные данные и в целом соответствует традиции.

Охарактеризуем значимые для методики социопсихолингвистического эксперимента факторы, по которым были отобраны испытуемые.

Социальное положение – студенты. В настоящем исследовании не учитывался важный для некоторых экспериментов фактор «социальное происхождение» (например, этот фактор важен при изучении культуры речи, где особенно значимы традиции семьи). Следовательно, выводы, которые сделаны по итогам данного исследования, относятся только к студентам.

Возраст большинства информантов 18 - 20 лет, возраст остальных информантов – до 30 лет. Следовательно, выводы, которые сделаны по итогам данного исследования, относятся преимущественно к молодежной среде. Можно предположить, что люди старшего поколения воспринимают прецедентные имена несколько иначе.

Гражданство и родной язык. Все информанты – это граждане Республики Казахстан, обучающиеся на русском языке и заявившие до начала тестирования, что тестироваться желают на русском языке.

Гендерная характеристика. Среди студентов экономических специальностей Инновационного университета было 62 женщины и 38 мужчин. Среди студентов Павлодарского государственного педагогического института 63 мужчины и 37 женщин. В связи с гендерными особенностями контингента педагогического вуза и экономических специальностей Инновационного Евразийского университета

подобрать равное соотношение студентов и студенток оказалось крайне сложно. Следует отметить, что специальное гендерное распределение ответов не проводилось, так как гендерная характеристика понимания прецедентных феноменов (что само по себе очень интересно) не входила в число задач исследования.

Место проживания. Во время проведения эксперимента все испытуемые проживали в городе Павлодаре. В связи со сложностью получения данных не систематизировались сведения о месте рождения респондентов, так как подобная характеристика не входила в задачи исследования. Не систематизировались и данные о том, какие школы (городские или сельские) закончили студенты, принявшие участие в экспериментальной работе.

Сфера профессиональных интересов. Как уже было отмечено выше, респонденты обучаются в вузах по гуманитарным и экономическим специальностям и это необходимо учитывать при оценке результатов тестирования, которые отражают только данные о восприятии прецедентных феноменов студентами указанных специальностей.

2. Планирование и проведение экспериментальной работы. Общий план исследования и определяемое им конкретное содержание тестов было подготовлено автором диссертации при участии научного руководителя и с учетом существующих традиций социопсихолингвистических исследований.

Обработка материалов тестирования проводилась автором диссертации под руководством научного руководителя.

Задачей данного этапа исследования было экспериментальное определение того, насколько читатели (в данном случае – студенты) способны понять информацию, которые несут прецедентные феномены (в частности, прецедентные имена). Конечно, материалы, полученные при наблюдениях над ограниченным контингентом студентов, не дают полного представления обо всех читателях, но даже эти данные достаточно интересны. Они дают хотя бы приблизительные представления о характере восприятия читателями соответствующих прецедентных феноменов в различных текстах.

Как подчеркивает Р.М. Фрумкина, объектом психолингвистического эксперимента является человек – «носитель языка, порождающий тексты, воспринимающий тексты и выступающий как информант для исследователя». В связи с этим отношение «исследователь – объект» переходит в симметричное отношение между двумя исследователями, одним из которых является собственно исследователь, а другим становится информант, который имеет собственную «теорию» об экспериментаторе, эксперименте и о методах проведения эксперимента. В соответствии с этой теорией он способен изменять свое поведение в ходе эксперимента, что в конечном итоге может оказать негативное влияние на результаты [96, с. 591]. Безусловно, абсолютной объективности полученных в ходе лингвистического эксперимента данных достичь в принципе невозможно. В связи с этим экспериментатор обязан таким образом организовать подготовку задания, подбор информантов, проведение эксперимента, обработку полученных данных,

чтобы влияние субъективных факторов на результаты эксперимента было сведено к минимуму.

3. Подготовка материалов для проведения тестирования. При подборе материала, формулировке задания, определении участников и проведении эксперимента мы постарались учесть имеющиеся рекомендации специалистов по психолингвистике и социо- и психолингвистике.

В качестве источника прецедентных имен были использованы художественные тексты английских писателей. Всего методом целенаправленной выборки для проведения эксперимента было отобрано более 30 текстов, содержащих элементы интертекстуальности. В процессе экспериментальной работы использовались прецедентные феномены, представленные в указанных текстах.

2.7 Система тестов и основные этапы экспериментальной работы

Опытно-поисковая работа со студентами проводилась в несколько взаимосвязанных этапов, на каждом из которых использовались особые виды тестов, что имело целью выявить различные характеристики когнитивной базы, относящейся к сфере прецедентных феноменов. Рассмотрим конкретные виды тестов и задачи, которые решались при работе с ними:

1. На первом этапе эксперимента необходимо было определить, какие именно прецедентные имена воспринимаются студентами в качестве знакомых. Для этого была использована методика выделения известных элементов в общем списке. В процессе экспериментальной работы студентам предлагались списки прецедентных имен и давалось задание подчеркнуть (или обозначить «крестиком», «галочкой») в соответствующем списке знакомые информанту имена, события, тексты и высказывания.

При подборе материала учитывалась рекомендация использовать в процессе эксперимента тесты, в которых представлены материалы разной степени сложности. В связи с этим ставилась задача, чтобы абсолютное большинство информантов было в состоянии обнаружить в списке, с одной стороны, хотя бы некоторые известные им прецедентные феномены, а с другой – такие прецедентные феномены, которые представляют значительные сложности для осознания их в качестве знакомых. В указанные списки включались только английские прецедентные имена. Приведем данные тесты в том виде, в каком они предлагались студентам.

Тест 1.1. Задание: отметьте в данном списке «крестиком» знакомые вам имена.

Марк Твен

Вальтер Скотт

Уильям Шекспира

Чарльз Диккенс

Шарлотта Бронте

Горацио Нельсон

У.Теккерей

Уинстон Черчель
Редиярд Киплинг
Исаак Ньютон

При подведении итогов указанной работы следует учитывать, что сам факт указания информантом того или иного прецедентного имени в качестве известного еще не означает, что студент действительно в состоянии понять смысл соответствующего интертекста. При этом одни информанты могут ошибаться, другие респонденты оказываются не до конца искренними. Соответствующая информация может быть получена на следующих этапах исследования. Вместе с тем значительный интерес представляют и сведения о том, какие именно прецедентные имена и фамилии студенты воспринимают в качестве знакомых. Значительный интерес может представлять и количественное сопоставление данных о степени знакомства студентов с прецедентными именами и прецедентными названиями.

2. На втором этапе эксперимента при работе с литературными прецедентными феноменами студенты получали следующее задание: Назовите авторов и произведения, героями которых были:

Самсон
Далила
Давид
Голиаф
Роб Рой
Айвенго
Робин Гуд
Кристофер Робин
Винни Пух
Пятачок

3. При работе с прецедентными феноменами, относящимися к социально-политической сфере, участвующие в эксперименте студенты получали следующее задание: Назовите сферу деятельности (политическая, военная, юридическая, революционная и др.) следующих людей и причины их широкой известности:

Маргарет Тетчер
Дэвид Бэксэм
Елизавета 11
Принц Чарльз
Принцесса Диана
Принц Гарри
Чемберлен
Мария Стюарт
Тони Блэр
Д. Свивт

Сопоставление имеющихся в когнитивной базе студентов прецедентных феноменов, относящихся к сфере литературы, с прецедентными феноменами, относящимися к социально-политической сфере, позволяет сделать вывод о том,

насколько профессиональные интересы студентов (соответственно литература и политика) влияют на степень знакомства их с прецедентными феноменами.

Следует отметить, что время на выполнение рассматриваемых заданий не ограничивалось, но опыт показал, что для этого обычно требуется не более 30 минут.

При проведении экспериментальной работы ставилась задача создать в аудитории доброжелательную атмосферу. От студентов не требовалось точно указывать свою фамилию и номер группы, заранее объяснялось, что за выполнение задания не будут выставлены отметки. Вместе с тем организаторы стремились к тому, чтобы студенты серьезно и добросовестно отнеслись к выполнению полученных заданий.

Представляется, что содержание и организация описанной экспериментальной работы позволяют получить данные, отвечающие требованиям достоверности, устойчивости и репрезентативности.

Обработка результатов тестирования по данной программе проводилась отдельно для обеих групп.

2.8 Прецедентные имена, воспринимаемые студентами в качестве знакомых

В процессе подведения результатов работы с прецедентными именами выявились определенные различия между студентами гуманитарных специальностей и студентами, специализирующимися в сфере менеджмента. Конкретные сведения об этих различиях приводятся ниже: первая цифра обозначает количество студентов-филологов, обозначивших соответствующий феномен в качестве знакомого, а вторая цифра – количество будущих специалистов по управлению, которые отметили соответствующие прецедентные имена в качестве знакомых.

Тест 1.1. Задание: отметьте в данном списке «крестиком» знакомые вам имена.

Марк Твен

Вальтер Скотт

Уильям Шекспира

Чарльз Диккенс

Шарлотта Бронте

Горацио Нельсон

У.Теккерей

Уинстон Черчель

Редиярд Киплинг

Исаак Ньютон

Среднее количество указаний на известность соответствующих прецедентных имен для студентов гуманитарных специальностей составило 66,9%, а для будущих специалистов экономической области – 63,5%.

Интерпретация полученных данных позволяет сделать вполне ожидаемый вывод о том, что студенты-гуманитарии относительно хорошо знакомы с именами писателей и литературных героев. Абсолютное большинство студентов указали в качестве знакомых имена У. Шекспира, У. Черчеля. Меньше других гуманитариям знакомы имена Горацио Нельсона, адмирала и У.Теккерей, автора знаменитой «Ярмарки тщеславия».

Вполне закономерно, что студенты Инновационного Евразийского университета экономических специальностей заметно хуже филологов знают прецедентные имена из сферы «Литература», но будущие специалисты по управлению показали лучшие результаты при обращении к прецедентным именам из общественно-политической сферы. Единственным исключением здесь оказалось имя У. Черчеля, которое филологи называли в качестве известного значительно чаще, чем студенты, специализирующиеся в экономической области. Скорее всего, это связано с событиями Великой Отечественной войны.

Таким образом, в каждую историческую эпоху в антропонимиконе – реестре личных имен – той или иной страны или культуры есть имена, в семантике которых присутствуют определенные национально-специфические, культурно-исторические или символические коннотации. Это, как уже отмечалось ранее, имена известных личностей, библейских, мифологических и литературных персонажей, наделенных яркими характерологическими чертами, распространенные среди носителей языка личные имена. Такие имена со временем становятся национально признаваемыми, их содержание наполняется определенным набором признаков (характер, поведение, внешность, национальный статус), ассоциации становятся устойчивы и социально значимы для языкового коллектива. Оставаясь по форме именами собственными, эти имена утрачивают в значительной мере признаки своей категории и становятся символами тех или иных качеств, признаков, характеристик людей. Подобные имена определяют ориентиры лингвокультурного сообщества, «задавая шкалу ценностных ориентаций и моделей социального поведения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из направлений лингвистических исследований является изучение взаимодействия языка и человека в аспекте антропоцентрической модели мира. Язык становится объектом исследований как явление, находящееся не в изоляции, а формирующееся под влиянием человека, принадлежащего к определенной культуре; одновременно устанавливается его тесная связь с культурой определенного этноса как воплощения конкретного исторического опыта.

Интерес лингвистов к явлению прецедентного имени обусловлен, с одной стороны, повышенным вниманием к проблемам развития языковых контактов, вопросам взаимодействия языков и культур, процесс межкультурной коммуникации, представляющий общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам, эффективен в условиях преодоления не только языкового барьера, но и барьера культурного; с другой стороны, для эволюционного процесса становления человека в качестве *homo sapiens* важнейшим рубежом стало возникновение имени как закрепление формирования человеческой личности, развития личностного самосознания.

Следует подчеркнуть особое положение имени собственного в языковой системе в силу его номинационной способности. Под номинацией понимается «название предметов с помощью определенных языковых средств, закрепление за неким референтом того или иного специального знака. Являясь собой как процесс выделения и осмысления обозначаемого предмета, так и его результат, номинация выступает как продукт классификационно-познавательной деятельности человека в выбранной области знания или общественного опыта, как продукт речевой, языковой деятельности.

Таким образом, имена собственные служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений.

Проведенное когнитивно-дискурсивное лингвокультурологическое исследование прецедентных имен свидетельствует, что существующая в национальном сознании система прецедентных феноменов – это важное средство постижения, концептуализации, представления и оценки действительности. Эта система ярко отражает национальное самосознание и дискурсивные характеристики соответствующего текста: его авторство и адресность, условия создания и функционирования, интертекстуальные связи и социальное восприятие.

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов.

Прецедентные имена – это важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

Знаки прецедентных текстов маркируют речь, придавая ей специфически кодированную форму. В пределах определенного исторического хронотопа и социокультурного контекста они являются единицами лингвокультурных кодов, с помощью которых устанавливается типовое социальное отношение к выражаемому смыслу.

Лингвокультурные коды объективны и поддаются, описанию, так как их единицы всегда являются знаками или символами чего-либо.

При описании внутренней формы знака прецедентного текста необходимо учитывать принцип редукции, лежащий в основе построения таких знаков. Внутренняя форма знака и прецедентный текст находятся в структурно-семантическом взаимодействии, так как соотношение внутренней формы знака и прецедентного текста находится в прямой зависимости от границы редукции прецедентного текста и обязательных элементов, составляющих неотъемлемые признаки смысла. Для выдвижения и функционирования прецедентного знака необходимо наличие всех значимых элементов смысла, при этом актуальна тенденция к экономии усилий.

Прецедентным единицам английской лингвокультуры из корпусов, античных мифологизмов и библеизмов свойственна наибольшая совокупность признаков устойчивости: регулярная воспроизводимость, хранение в коллективной памяти, маркированность, лаконичность, традиционная общепонятная образность и знаковая универсальность. Упомянутые типы представляют собой замкнутые системы культурных кодов, содержащих элементы универсального смысла, чем обеспечивается их лингвокультурологическая устойчивость.

Прецедентные единицы сохраняют лингвокультурную устойчивость благодаря сохраняющейся культурной актуальности созданной автором языковой картины мира, а также языковой личности автора.

Важным фактором долговечности рассмотренных нами типов является способ усвоения. Наиболее долговечны типы, усвоенные с помощью метода директивного насилия в рамках педагогического и религиозного дискурсов, а именно – античная мифология и тексты Священного писания.

Структурная модель знака прецедентного текста англоязычного дискурса может быть создана с помощью метода фреймовой репрезентации, позволяющего эксплицитно показать имплицитную часть содержания и свести семантику отдельных слов и целых выражений к единому описанию. Составленные сценарии демонстрируют связь между границей редукции прецедентного текста и внутренней формы его знака.

Наличие ономастического компонента является достаточным условием для возникновения прецедентности в англоязычном дискурсе. Оценочное значение маркера зависит от семантики неонамастического компонента,

фоновых знаний и внутренней формы ономастического знака. Антропонимы становятся маркерами прецедентности в том случае, если они нарушают антропологическую норму. При этом превращение антропонима в маркер прецедентности обратно пропорционально его пребыванию в рамках антропонимической нормы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001. – 287 с.
3. Кузьмина Н.А. Избранные работы. – М., 2004.
4. Автономова Н.С. Деррида, Жак Текст. / Н. С. Автономова // Современная западная философия / Словарь: сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М.: изд-во политической литературы, 1991. – С. 89 – 91.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность Текст. / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
6. Прохоров А.М.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Текст. / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 25 – 27.
9. Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом. – 1993. – С. 7 – 26.
10. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 157 – 168.
11. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 12. – Екатеринбург, 2004. – С. 111 – 120.
12. Соловьева М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста: на материале романов А. Мердок и их русских переводов: дисс. канд. филол. наук: (10.02.20.) / Марина Александровна Соловьёва. – Екатеринбург, 2004. – 300 с.
13. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 228 с.
14. Военно-морской словарь. – М.: Воениздат, 1990. – 511 с.
15. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
16. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л., 1981.
17. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985.
18. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
19. Постовалова В. Картина мира в жизнедеятельности мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988. – С. 8 – 70.

20. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001.
21. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
22. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 100 – 169.
23. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.
24. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». – М.: Наука, 1974.
25. Минский М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
26. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 56, № 1. – 1997. – С. 11 – 21.
27. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
28. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова. // Структуры представления знаний о языке. – М., 1994. – С. 87 – 110.
29. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – СПб., 1994.
30. Кондрашенко В.Т. и др. Общая психотерапия: Рук. для врачей / В.Т. Кондрашенко, Д.И. Донской, С.А. Игумнов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Выш. шк., 1999. – 524 с.
31. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – № 6. – 1964.
32. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
33. Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. – Самара, 2004.
34. Богданов К. Повседневность и мифология. – СПб., 2001.
35. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. – С. 73 – 76.
36. Рубакина Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиографическую психологию. – М., 1929.
37. Шестак Л.А. Славянские картины мира: рефлексии исторических судеб и художественная интерпретация концептосфер // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 113 – 121.
38. Исакова Ю. Старые народы. // Язык как творчество. – М., 1996.
39. Евсеев А.С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка). Дис.канд. филол. наук. – М., 1990. – 212 с.

40. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Серия 9 Филология. – 1997. – С. 106 – 117.
41. Сидоренко К.П. О парадигматике прецедентного текста // Проблемы теории и практики изучения русского языка. – Межвузовский сб. науч. трудов. Вып.1. Пенза, 1998. – С.123 – 130.
42. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.
43. Баранов А.Г. Когниотипичность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 4 – 12.
44. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 52. – 1993. – С. 3 – 9.
45. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
46. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
47. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.
48. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960.
49. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Наука, 1967. – 140 с.
50. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. – Л., 1974.
51. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.
52. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: изд-во Урал, ун-та, 1999. – 432 с.
53. Милль Д. Ст. Система логики. – М., 1914. – 777 с.
54. Ермолович Д.И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков: (На материале именовании лица в английском языке). // Дисс. канд. филол. наук. – М., 1981.
55. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962.
56. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). – М.: Наука, 1988. – 338 с.
57. Непокупный А.П. Теория и методика ономастических исследований. – М., 1986.
58. Долозова О.Н. О семантике прецедентного имени – <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225>.
59. Унайбаева В.А. Категория подтекста и способы его выявления (на мат-ле художественной прозы XX в.): Автореф. дис. канд. филол. наук / В.А. Унайбаева. – М., 1980. – 22 с.
60. Зайцева К.Б. Английская антропонимия и её стилистическое использование. – АКД. – Одесса, 1979. – 20 с.

61. Белозерова Ф.М. Языковая картина мира с позиции политической корректности: на материале антропонимической фразеологии // «Женский вопрос» накануне 21 века. – Курган, 2000. – С. 99 – 102.
62. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 156 с
63. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М., Наука, 1985.
64. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001.
65. Марьяньянова Н.В. Символика личных имён в языке и переводе // Межкультурная коммуникация и перевод. – М., 2002.
66. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М., 1970.
67. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. – М., 1990.
68. Чурсина И.С. Развитие антропонимикона английского языка: (морфологический и социокультурный аспект). – Белгород, 2002.
69. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского язык : ок. 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Рус. слов.: Астрель, 2000.
70. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М., 2003.
71. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. – М., 1998.
72. Dreiser, Th. De Maupassant, Junior/Dreiser Th.// Modern American Short Stories. – М. – Foreign Languages Publishing House, 1960.
73. Longman Dictionary of English Language and Culture. – United Kingdom: Pearson, 2005. – p.1481.
74. Советский энциклопедический словарь /Под ред. А. М. Прохорова. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
75. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – N. Y.: Portland House, 2004. – p.1137.
76. Maugham W.S. Rain and other short stories. – Moscow: Progress Publishers, 1977.
77. Wolfe T.W. Soviet Power and Europe, 1945–1970. – Baltimore, Md: The Johns Hopkins Press, 1970.
78. Anderson R.M. Vision of the Disinherited. The making of Amerenteostalism. – New York, 1979.
79. Maugham W.S. A man of honour. – Arrow Books, 2000.
80. Reed E.S. Neural regulation of adaptive behavior // Ecological Psychology. 1993. V. 1.
81. Faulkner R.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. – Oxf., 1962.
82. Christie A. The Rose and Yew Tree. Текст. / A. Christie. London : Harper Collins Publishers, 1997.
83. Updike J. Collected Poems: 1953 – 1993. – New York: Knopf, 1995.

84. Parker R.A. Calendar of Ancient Egypt. – Chicago: Univ. of Chicago Press. 1950.
85. Steinbeck J. The winter without discontent. – Bantam Books, 1962.
86. Lewis O. The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. – Ann Arbor: University of Michigan press, 1965.
87. O'Hara, J.D. Instantly Digestible. – New Republic, 1973.
88. Maltz M. Psychocybernetics. – New York: Essandess, Simon & Schuster, 1960.
89. Bennett W.C. Ancient Arts of the Andes. – N.Y., 1954.
90. Caldwell H.D. Schachter J. Antigenic analysis of the major outer membrane protein of Chlamydia spp // Infect Immun, 1982.
91. Towers R. So It Went. – New York Review of Books, 1976.
92. Jones D.S. Lateral eyemovements and dream recall // Percept. Mot. Skills. – 1980.
93. Hughes J.F. Human endogenous retroviral elements as indicators of ectopic recombination events in the primate genome // Genetics. – 2005.
94. Langley L. The Americas in the Age of Revolution. – New Haven and London, 1996.
95. Bozza-Marrubini M. Coma//Care of critical ill patients / Ed. J. Tinker, M. Rapin. – Berlin, 1983.
96. Фрумкина Р.М. Экспериментальные методы в языкознании. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Обозначения и сокращения

ПФ	Прецедентный феномен
ПТ	Прецедентный текст
ПВ	Прецедентное высказывание
ПИ	Прецедентное имя
ПС	Прецедентная ситуация